

САХВА

АЛЕКСАНДР ПОЛЯНИЦИН

Александр Поляницин

Сахва

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Поляницын А. С.

Сахва / А. С. Поляницын — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Великое добро может изменить все. В этом на своем опыте убедился Второй – бывший агент Организации, целью которой является террор и геноцид. Теперь он направляется к АЭС, чтобы предотвратить взрыв атомного Реактора, который сам же и заминировал. Чтобы добиться своей цели, Второму предстоит сразиться с двумя легендарными бойцами Первым и Нулевым – единственными близкими людьми в его жизни. И Второй бы вполне успешно продвигался к финалу своего пути, оставляя за спиной горы трупов бывших «коллег», если бы ни одна проблема. В его тело «вселяется» вторая личность по имени Федор, которая хочет лишь одного – убить себя как можно скорее... Содержит нецензурную брань.

© Поляницын А. С., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Глава 1

Апрель 20.1 года.

14 часов 16 минут до взрыва Реактора. Раннее утро.

Проснулся? Очнулся? Не знаю, как назвать то, что произошло, когда веки разомкнулись. В общем, я пришел в сознание. Обычно, когда это происходит с людьми, то они обнаруживают себя лежащими где-либо. Но это был не тот случай: я висел. Да, висел, обмотанный веревкой вокруг грудной клетки. Голова была воткнута в велосипедный шлем, напоминающий половинку яичной скорлупы, которая от разложения загнулась с краю. Левую руку обнимал браслет наручника. Его неизменная вторая половина, оттягивая цепочку и смирившись со своей бесхозностью, висела, устремляясь к земле.

Зато одет я был стильно: классический шерстяной костюм Hugo Boss Black Label в мелкую клетку с заууженными брюками и однобортным приталенным пиджаком на две пуговицы. Идеальный наряд для делового мужчины. И хоть я им и не являлся – я был убийцей, – костюм мне очень шел. Возможно, не все хорошо отнеслись бы к тому, что я смешивал линии одежды, тем не менее, сорочка на мне была Casual, полуприлегающего силуэта с острым воротником, из хлопкового микса, с закругленным подолом. Дело в том, что я померил ее вместе с брюками цвета Medium Beige и, очень понравившись себе в зеркале – что бывало редко, – решил взять именно ее. Сорочка была еще и с белой полосой, но ее полностью закрывал черный, однотонный узкий галстук с вышивкой. Быть может то, что все на мне было черным, говорило об отсутствии вкуса, но у меня было оправдание – траур.

Петля веревки, обвинившей мое туловище, впилась в подмышки, как кожаная сбруя, намоченная для средневековой пытки. Поэтому следующим чувством после удивления была дикая боль. Руки подчинялись плохо: приток крови в них практически сошел на нет. И все же надо отдать должное этой веревке, которая, сопротивляясь силе притяжения, не давала мне упасть на землю.

Сверху, снизу, справа, слева – балконы и окна. Мои ноги болтались на высоте пятого этажа. Стопы, закутанные в телячью кожу ботинок Hugo Boss Manhattan Derby, касались стекла. Хозяин окна наверняка сильно удивится, увидев икры и стопы, которые висели и не находили опоры.

О боли не могу не сказать подробнее, ибо в моем распоряжении была целая палитра ее оттенков. Довольно свежая огнестрельная рана вносила дополнительное разнообразие в болевые ощущения, многократно их усиливая. Пылала щека, на которой задевшая ее пуля оставила глубокую борозду. А еще я испытывал страшное похмелье. Казалось, по голове начали ползти трещины: так сильно она болела. Я взглянул вверх. Кусок веревки прятался в окне на восьмом этаже.

Заваленный бутылками и окурками, двор, весь устремленный в праздничный ритуал восхода солнца, взирал на меня с безразличием. Солнце было рыжим, как огонь. Светило было какое-то густое сегодня. Оно уже подожгло горизонт, показав краешек своего блина мандаринового цвета.

Да, двору я был не интересен, чего нельзя сказать о двух субъектах, находящихся в нем. Эдакие ранние пташки, которые, сами того не подозревая, помогли мне сориентироваться во времени: дворник и парень, совершающий утренние пробежки. Еще был куливший на балконе мужчина, который смотрел на меня с философски-задумчивым видом. Бегун снимал меня на телефон.

Свистящим от надрыва голосом я озвучил просьбу убрать телефон – настоящую просьбу. В противном случае спортсмену были обещаны переломы костей рук и отделение гениталий от тела. Я пытался окрасить реплику в грозный тон, но, кажется, вышло как-то неубедительно. Да и не в самом удачном положении я был, чтобы заставлять людей что-то

делать. Все-таки произнесенные слова подействовали: любитель утренних пробежек поспешно убрал телефон. Но бег не возобновил, продолжив бурить меня любопытным взглядом. И его можно было понять, ведь картина, которую он наблюдал, была необычной.

События, загнавшие меня в столь неловкое положение, стали методично, сиротливо возвращаться в мою память. Слезы не пришли только потому, что было не до них. Последнее время я плакал много, что было очень на меня не похоже.

Делать нечего, надо выбираться. Путь один – наверх. Я повисел еще немного, собирая всю волю, чтобы получить контроль над онемевшими руками и подготовиться к ужасной боли, которую предстояло вынести на пути к окну на восьмом этаже. За ним дожидалось спасение. Решив, что готов, обхватил веревку непослушными руками и подтянулся. Рывок за рывком я начал ползти вверх. Казалось, в проделанную пулей дырку проникла рука и сдавливает кишки, тянет в разные стороны.

Когда я приблизился к цели почти на один этаж, что-то внутри так сильно кольнуло, что руки разжались. Свободное падение, остановленное все той же веревкой. Я даже не заметил боли в подмышках, ведь это было ничто по сравнению с взрывом в области раны. На глаза навалилась чернота. Мука была столь ужасной, что казалось, у мозга нет нужных сигналов, чтобы передать это ощущение. Я закричал – вот тряпка! Мой крик, усиленный предрассветным безмолвием, беспокойными волнами разливался по двору, плодил эхо, будил еще спящих хартлендцев.

Исходное положение. Отгоняя панику, я все же четко понимал одно: более чем на одну попытку сил не хватит. Возможно, уже кто-то вызвал полицию или спасателей, а быть спасенным ими сейчас было равносильно смерти: нельзя привлекать к себе внимание. Сильно мотивировал к успеху тот факт, что миллионы человеческих жизней зависят от того, доберусь я до заветного окна или нет...

Настроился! Заново правую руку над головой, обхватываю ей веревку, подтягиваюсь. Заново левую – подтягиваюсь. Около десятка рывков, было не до точных подсчетов. Мои руки, как голодные пасти, откусывали по чуть-чуть от длины веревки, снова и снова, будто жаждали коснуться неба, чернота которого вспучилась перламутром рассвета. Появилась возможность первой передышки: стопы ощутили опору, оказавшись на уровне окна шестого этажа. Наконец-то! Преодолен уже почти этаж. Но некогда тратить время на радость: пришло стойкое ощущение, что силы стремительно покидают меня, сознание вот-вот отслоится.

Потребовались вся воля, вся концентрация, чтобы совершить следующее подтягивание. Не знаю, откуда у меня бралось терпение, чтобы игнорировать эту боль. В сам момент выстрела она так не обжигала. Казалось, в меня стреляют, снова и снова, всегда в одно и то же место. Боль билась о стены моей плоти. Была уверенность, что нервные окончания вот-вот порвутся, не в силах посылать сигналы столь мучительных ощущений мозгу. Боль словно пришла к точке сингулярности в месте, изувеченном свинцом, переползла на ногти, волосы, вышла за пределы тела. Видимая реальность начала растворяться, кувыркаться. Тошнило. Холодный пот стекал по вискам. Жар и холод пасовались моим телом, как им вздумается. Прилагая титанические усилия, я издавал звуки, которые даже не с чем сравнить. После очередного рывка приходило удивление, откуда взялись на него силы, но уже в следующее мгновение нужно было снова выуживать их откуда-то, чтобы еще раз удивиться. Еще один рывок... И еще... А затем я снова сорвался...

Но каким-то образом зацепился за веревку, пролетев вниз всего около полуметра. Похоже, я переживал последнюю стадию отчаяния, и именно она помогла кисти вгрызться в веревку. Очередная возможность отдохнуть, используя окно на седьмом этаже. Следующее углубление понадобится уже для рук, а не для ног. Еще немного!..

Перед моим взором две картины. Одна из них заключена в резную позолоченную раму. На ней полуголые девы в тонких белоснежных шелках, нежащиеся в солнечном изобилии. Им

прислуживают евнухи. Черная кожа одного из них контрастирует с бледной кожей красавиц и их одеяниями. Атмосферу блаженства дополняет мраморная беседка молочного цвета с камеллопардовыми колоннами. Были красоты и нерукотворные – солнце, которое отсутствовало на картине, но орошало сиянием этот шедевр живописи, сочная темно-зеленая растительность, произрастающая прямо из небольшого фонтана, и небо глубокого голубого цвета, по которому растянулась цепь из облаков. Девы нежатся вокруг бассейна, будто вырезанного из цельного куска белого мрамора. В бассейне отдыхает вода, в которой отражаются стройные ноги одной из красавиц.

Не успел я отклеить взгляд от этого произведения искусства, как почувствовал, что тело начало неметь. Нарушения визуального восприятия стали ощутимее, назойливее. Все видимые предметы вращались вокруг меня со скоростью света, окружающие объекты плавись, сливаясь в однородную массу. Рот переполнило рвотой, и он будто лопнул. Обильные закуска и выпивка, утрамбованные в желудке несколько часов назад, полетели с восьмого этажа на землю. Я делал глубокие вдохи, и это немного помогало прийти в чувство.

Вторая картина обошлась мне в несколько десятков раз дешевле первой. На пне, покрытом мхом с правой стороны и трухой мертвой коры – с левой, восседает самый популярный герой трагедий Софокла. В левой руке этот честолюбец держит клинок, которым лишил себя глаза. Слева от него, у подножия пня замерло мертвое тело его биологического отца. Над трупом взвилось фиолетовое марево – дитя заката. Призрачная луна окрашена в тот же цвет. Ближе к ней фиолетовый переходил в черный. Казалось, на смену этому закату уже не явится рассвет. Окаменели мертвые деревья с черными ветвями. С правой стороны от Эдипа – картина природного изобилия на фоне рассвета. Прямо на земле сидит прекрасная зрелая женщина. Ткань изящного наряда ласкает ее холеное тело. Зелень, цветы, роса, птицы, солнце – все это было справа и взирало на женщину, в которой угадывался образ богини, будто она породила все это и пленена материнской любовью к своему творению. Левая сторона лица Эдипа была искажена членовредительством, а на правой стороне застыла безмятежная улыбка.

Эти картины висели на стене моего тайного убежища. То, что я их видел, означало, что мне, наконец, удалось оказаться на достаточной высоте для того, чтобы использовать единственную попытку оказаться внутри своего жилья. Опытом наученный, что медлить не стоит, я слегка раскачался. Сейчас все затраченные усилия, все испытанные муки могут оказаться напрасными: риск того, что я могу сорваться и не достигнуть окна, был очень велик.

Мое тело полетело к окну. Туловище ударилось о стену, спровоцировав новый взрыв нестерпимой боли. Руки разжались, и земля снова начала приближаться. Должно быть, вся кровь оказалась в голове. Не понимаю, почему глаза не лопнули от такого давления. Что-то нащупали мои пальцы, вцепившись в это «что-то» со всей силой, что осталась.

Позволив себе вдох и выдох, я подтянулся на обеих руках. Отпустил одну из рук и кинул вперед. Та опять умудрилась зацепиться за что-то. В этот момент я почувствовал, как швы, наложенные на рану, разошлись и по животу потекла кровь, которая, в отличие от пота, была горячей. Я неистово заработал телом, карабкался, дергал руками и ногами, будто терзаемый спазмами. Челюсти были сжаты так, что зубы ломило.

Где я? Что за тягучее марево вокруг? Я быстро моргал, слыша, как веки сталкиваются. Стали угадываться очертания предметов. Я лежал, накрыв расширяющуюся лужу крови. Это мое жилье. Удалось! Вскочил. Но ликование длилось недолго. Картинка куска мира, которую я видел, снова помутнела. На этот раз муть распространилась и на рассудок. Перед тем, как упасть и отключиться, я, грязно выругавшись, подумал: «Да приду я когда-нибудь в себя или нет?! Ну теперь хотя бы очнусь лежа, если, конечно, не потеряю так много крови, что и вовсе не очнусь».

2 дня 20 часов 8 минут до взрыва Реактора. Вечер.

Я ехал на запад в плацкартном вагоне поезда на нижней боковой полке уже больше суток. Плацкарт был выбран не случайно: в отличие от купе, он сваливал людей в кучу, и пассажир растворялся в общей массе с попутчиками. Именно это и было сейчас нужно. Чтобы привлечь как можно меньше внимания, я даже терпел своих соседей, изолироваться от которых теперь не было возможности до окончания пути.

Передо мной был раскрыт роман Чака Паланика «Бойцовский клуб». Проходящие мимо люди, беспокоя воздух, приятно холодили мои босые ноги. Дело сделано! Вскоре трагедии в Приппети по масштабности и популярности предстояло уступить пальму первенства.

Я то и дело отвлекался от приключений Тайлера и Дж... рассказчика. Смотрел в окно, чувствуя запах смутной тревоги: странно, но, кажется, моя голова поворачивалась к окну по собственной инициативе, не спрашивая разрешения у своего хозяина. Смутная тревога усилилась, когда наблюдения еще два раза показали, что я ничего не могу поделать с головой и шеей.

И пока тело не позволяло вернуться к книге, я смотрел на пейзаж за окном под ритмичный и монотонный стук колес поезда. Закат набирал обороты, породив прекрасную игру оттенков: горизонт окаймляла жирная перевернутая радуга. Красная полоса ее была намазана особо толстым слоем.

Через два дня и двадцать часов великое множество кафилов^{1*} превратится в клочки черного тумана, в растворяющиеся на ветру горстки свежего праха. Я буду наблюдать ядерный взрыв «в прямом эфире», к тому времени удалившись на безопасное расстояние.

Я прекрасно понимал, что причиной этой акции было не только фанатичное человеко-ненавистничество, как пытались выставить все это таинственные и могущественные лидеры Организации, спины которых из нашей троицы суперубийц видел один Нулевой. Лишь в самом конце этой долго и кропотливо разрабатываемой операции мне стало ясно, что заказчик был извне. Размышляя и предполагая, я остановился на том, что этого самого заказчика явно не устраивало положение дел на мировом рынке ядерных технологий. Строить другие догадки не было желания: мой ум был занят попытками оправдать двух самых близких мне людей, которые предали меня...

Но мне вполне хватало идеологизированной трактовки, которую предоставили нам, исполнителям. Во-первых, такое «незнание» значительно увеличивало шансы на выживание. А во-вторых, из этой лжи или, как минимум, полуправды, мне удавалось слепить полноценную «личную правду». Этот продукт – результат родовых мук моего разума – я, что называется, холил и лелеял, ведь он идеально подходил моей природе, моему непрерывному желанию убивать кафилов. На иллюзорность этой «личной правды» я старался не обращать внимания, хотя с каждым днем это получалось все хуже.

Шея вновь решила повернуть мою голову. На этот раз в другую сторону. Это позволило сделать окончательный вывод, что моя воля не является актором в этом процессе. Повороты вправо хоть как-то объяснялись желанием посмотреть в окно.

Когда же голова повернулась влево, перед носом у меня оказалась стопа, похожая на розовый перезревший картофель, со странными отростками, напоминающими пальцы. Эта розовая шершавая стопа свисала с верхней полки, вырастая из голени особы, которую уже можно было назвать старухой.

На соседней верхней полке валялась еще одна баба, точно такая же. Сначала я подумал, что они сестры, но из их разговора – который я был вынужден слушать по волеизъявлению безжалостного случая – пришлось узнать, что они познакомились здесь, в этом вагоне. Они разговаривали на протяжении вот уже шести часов. Я искренне удивлялся их способности не замолкать столь длительное время. И пожалел о том, что не было возможности тихо их устранить, заставить навсегда замолчать.

Мы продолжаем вести нашу, теперь тайную, войну. Хартленд всегда будет оставаться для нас врагом. Хотя, если подумать, Океания заслуживает еще большего презрения. Хартленд был настоящим врагом, он бил нас искусно и не скрывал своих намерений. А Океания?.. Сначала помогла нашему государству нигилистов зародиться и начать успешную экспансию, а потом, когда все пошло не по плану, бросила нас, отрезала, как гнойный аппендикс, еще и помогала Хартленду добивать нас с воздуха.

Голова повернулась в другую сторону. Я был благодарен ей хотя бы за это: после растрескавшейся, розовой, как вспучившаяся ветчина, пятки, лицемерие не успевшего позеленеть, бескрайнего леса приносило усиленное эстетическое удовольствие. С величественным смирением неисчислимый легион деревьев приготовился почернеть вместе с ночью.

Когда долго живешь в городе, вид таких лесных массивов, наблюдаемый из окна поезда, может принести иное ощущение пространства. И тогда приходит понимание, что города со всей их так называемой цивилизацией – всего лишь родинки на теле планетарной суши.

Через два дня и уже менее чем двадцать часов, мы нанесем кафирам сокрушительный удар. Таймер запущен. Пошел обратный отсчет. Время начало таять. Оно необходимо не только для того, чтобы нам, участникам минирования АЭС, удалиться на безопасное расстояние (все это можно было сделать гораздо быстрее), а для того, чтобы через мировые СМИ Организация передала наш меседж, атаковала население планеты угрозами, утопила в страхе, прежде чем взорвать АЭС. Уверен, Организация отлично заработает на этой акции и повысит свой международный статус.

Но я верил, что не деньги были главной мотивацией. Верил, что лидеры Организации преследовали Важнейшую Цель – распространение нашего ига. Любой ценой. Взрыв мог быть отменен, но у нас было одно условие, которое, скорее всего, уже огласили наши лидеры в СМИ вместе с сообщением о том, что одна из АЭС Хартленда заминирована. Все государства, не поддерживающие нас, нашего Бога, наше видение будущего, должны отказаться от суверенитета. Но Реактор на АЭС взорвется, потому что условие было невыполнимым. К тому же, Организацию, осколок государства нигилистов, не во всех странах принимали всерьез. Пока! Все изменится, когда несколько миллионов – по подсчетам Первого – кафиров погибнут, когда огромный кусок густозаселенного пространства пропитается радиацией и станет непригодным для жизни. Хотя плевать, кафиры они или еще кто. Главное, что они жители Хартленда, моей бывшей родины, которой я оказался не нужен.

Когда наше иго перестало существовать вместе с государственностью, которую так никто в мире и не признал, на идеи создания новейшей Осирии мне стало плевать. Теперь я просто был сосредоточен на мести. И через два дня и девятнадцать часов мир загремит. наших врагов погибнет больше, чем за время крупной войны. Конечно, было жаль птиц и зверей, но с этим побочным явлением пришлось смириться.

Я продолжал смотреть на лес. Когда начались сомнения, что сонм не способных сойти с места исполинов, глубоко прорвавших почву корнями, имеет конец, вид за окном сменился. Как в фильме меняется кадр с массовки на крупный план. Лес сменился уродливым полузаброшенным заводом, с нагромождением железных труб и бетонных зданий, в которых изредка угадывался электрический свет. Вновь удалось уткнуться в книгу.

Но в то самое время, как Тайлер со своим новым другом мочились в суп на кухне ресторана, моя своенравная голова перевела мой же взгляд обратно к окну. В эту же секунду в вагоне поезда зажгли свет. И картинка на стекле резко изменилась. Теперь я не мог с прежней точностью видеть пейзаж за окном. Зато видел свое, будто призрачное, отражение.

Нос мой стремился влево. Казалось, он был лишен хрящей, костей, мускулов и мощный ветер сносил его на сторону. Туда же смотрел левый глаз, причем, только туда, причем, постоянно. Он не двигался синхронно со своим родным братом. Да, уродец я записной.

В отражении я видел свою голову между четырьмя койками, две из которых были лежищами тех самых говорливых соседок. Они продолжали забрасывать друг друга бесполезными сведениями. В этой расправке словами участвовали философские выводы, актуальность которых выдохлась, по меньшей мере, век назад. Они сообщали неинтересные факты из своей жизни. Убогим и скудным языком рисовали бесцветные портреты своих детей и внуков. И им, похоже, казалось, что нет в мире ничего интереснее этой информации.

Слюни, вылетающие из их ртов вместе с тошнотворными репликами, превращались в каскад влажной крошки, осыпались на стол, заставленный жареной курицей, яйцами и виноградом. Моя живущая собственной жизнью голова вместе с их разговором начала лишать меня самообладания. Но приходилось терпеть: сейчас необходимо быть незаметным!

Я продолжил разглядывать отражение своей головы. На фоне удаленной полоски леса, снова побежавшей бесконечной лентой за поездом, голова казалась огромной. Ночь навалила, и деревья слились в однородную черную массу. Я открыл рот и представил, что моя призрачная пасть пожирает эту тонко раскатанную струйку тьмы. Забава эта пришлась по душе. Я возмнил себя огромным, свирепым божеством, способным проглотить, поглотить все вокруг.

Но новое развлечение не помогало избавиться от двух баб, от их слов, от их присутствия. И без того жидкие сугробы моего спокойствия начали быстро таять, их поджаривал снизу огонь, вырвавшийся из адских недр. Я сдвинул челюсти до ломоты в зубах. Обложка книги лопнула в руках. Попробовал сделать дыхательную гимнастику – тщетно.

Сейчас я их убью. Не могу больше терпеть этих впавших в куфр^{2*} тварей. Убью сначала этих двух баб, а потом примусь за остальных. Хотя нет, их я оставлю на десерт, они не должны умереть быстро. Да, так и сделаю. Обе они не нужны. Они не нужны этому обновляющемуся миру. Ни один из присутствующих в этом вагоне кафилов не нужен. Я и сам нужен только до тех пор, пока живы все эти твари!

Поезд набирал скорость, гнев набирал силу. Только что я «сожрал» одиноко стоящий маленький домик со светящимся окном посередине. Затем в нутро провалился небольшой мост в отдалении. Все это я запил небольшим озером, в котором отражалось еще не успевшее окончательно почернеть и покрыться звездами небо.

Я убью их всех. Я очень хорошо умею убивать. Быть может, это единственное, что умею делать хорошо. Сначала пойду к проводницам. Они как раз сейчас обе у себя, занимаются какими-то бумажками. Возьму у них нож, самый острый, но, если такого не окажется, справлюсь и тупым. Убью проводниц – быстро. Сломаю все ручки на дверях с обеих сторон, чтобы никто не успел выбежать и позвать на помощь. И примусь за мужчин. Их тут не так уж и много.

Во всех подробностях, будто уже начал осуществлять намерение, я представил эту резню. Вот я орудую кухонным ножом, как художник орудует кистью. Лезвие неумолимо входит в шею, добирается до артерий и взрывает их багровым фейерверком. О потолок вагона бьются фонтаны теплой крови, разных резус-факторов. Они смешиваются в ало-бордовый коктейль, который покрыл мое лицо и руки выше локтей. Нож работает, как хорошо отлаженный немецкий станок. Пассажиры из встречных поездов видят полупрозрачные, не спеша текущие вниз потеки содержимого артерий, вен и капилляров, будто внутри вагона лопнула бочка с густым, приторным, клубничным сиропом. Под предсмертные крики ужаса и мольбы я режу, режу, режу! Белые простыни покрываются неповторимым, каштановым орнаментом: то, что еще недавно качалось сердцами кафилов, как насосом, впитывается в эти белые тряпки и активно чернеет.

Моя голова в отражении стекла продолжала жрать все, что попадалось на ее пути. Когда надоело поглощать мосты, дома, водоемы и ужами тянущиеся огни автомобильных фар, я обратил взор на небо. Одним махом, кляцнув зубами, отправил в свою божественную утробу пассажирский самолет. И, не найдя более ничего подходящего, принялся закусывать звездами. Лишь

луна никак не хотела проваливаться в меня и висела, недостижимая, где-то внутри головы. Я продолжил свои сладостные грезы, которые через несколько секунд превратятся в реальность.

Я убил мужчин, женщин, потом стариков, в конце детей. Конечно же, никто из кафиров, вонючих тварей, по ошибке населяющих планету, не смог меня остановить: нож разрубил их героизм. Ходить скользко из-за стекшей на пол крови, смешанной с блевотиной. Но это не мешает добраться до двух баб, оставленных напоследок. Отрезаю им фалангу за фалангой, а когда у них вместо рук остаются обрубки, убиваю. Люблю так развлекаться во время пыток.

Я спрятал багаж подальше, дабы не запачкать кровью. Встал и пошел за ножом. Шел мимо пассажиров, которые даже не догадывались, что приговорены. Открыл дверь, за которой находились две проводницы, и подобрал нужное лезвие, чтобы исполнить задуманное. А потом вынырнул из ледяной воды. Это первое, что я помню. Не запомнился ни удар о воду, ни всплытие на поверхность. Полное пробуждение наступило позже. Но в тот момент не было возможности понять, почему, направляясь к проводницам за ножом, я оказался в этой влаге, холод которой пронзал до костного мозга. Скорее всего, шок был тому причиной. Ну а что же еще?

Глава 3

11 часов 53 минуты до взрыва Реактора. Утро.

Я опять очнулся и начал шевелить веками, ресницами и зрачками. Пока это было единственное, чем я мог шевелить, но послушность тела возвращалась. Уже скоро удалось отыскать на полу ключ и освободить запястье от браслета наручников. Затем плохо слушающейся рукой я аккуратно ощупал рану. Одно неловкое движение – и кровотечение возобновится.

Крови вылилось немало, о чем свидетельствовало темное пятно на светлом паркете, похожее на раздавленного жука. Но я привык к сильным кровопотерям: когда государство нигилистов набирало мощь и вело беспрестанные бои, мы, будучи кто юнцами, как я, а кто и вовсе детьми, выкачивали из себя едва не половину крови, дабы спасти раненых на поле боя.

Я прямо на спине, помогая себе пятками и локтями, начал медленно подползать к сейфу, расположенному в квартире, которая служила мне временным пристанищем. Дополз до него и открыл. На этот раз без труда. Даже не напряг память. Очевидно, что Федор располагал «архивами моего прошлого», и ночью, когда я пытался попасть в это небольшое, но надежное хранилище, он намеренно блокировал мою память во время нашей «схватки».

Теперь же, на время став собой, я также стал полноправным и единственным хозяином своих мыслей и воспоминаний. В сейфе находился небольшой арсенал оружия, аптечка, несколько паспортов, незначительная сумма денег и химические препараты, получи я доступ к которым этой ночью, не висел бы на веревке, как идиот, и не лез по ней в окно с кровоточащей дырой в туловище.

Нельзя не сказать, что идея хранить все это в сейфе, учитывая то, что со мной произошло, была плохой. Но когда я наполнял этот пуленепробиваемый полый куб, невозможно было предположить, что произойдет в дальнейшем. Могло произойти многое, но такое...

В аптечке имелся контраргумент на любой случай. Кроме смерти, конечно. Я вытряс все ее содержимое на пол, разложил перед собой. Первым делом нужно найти ампулы с омнопонем и шприцы. Нашел. Суточная доза обезболивающего переключалась из обезглавленной ампулы в шприц, а из шприца в кровь – ту, что осталась.

Я лежал и ждал, когда препарат взболтается с разогнавшейся кровью. Пока ждал, лениво щупал взглядом интерьер этого жилища. Видел страшные по своей безвкусице обои с одинаковыми, как современные люди, синими розами и какими-то чудовищными вкраплениями на белом фоне. Потом переключился на созерцание беспорядка, который как вирус расплылся по всей квартире. Два перевернутых черных кресла, так же как и пол, были укрыты брюками, рубашками, куртками, носками, нижним бельем и другим хламом. На одном из кресел висел парик из светлых натуральных волос, на другом – красное платье: последствия игрищ, что я

устроивал с женщиной, которая торгует любовью. Ящики комода были вырваны и выпотрошены, та же судьба постигла шкаф – результаты моего поединка с Федором за жизнь.

Вскоре боль начала отступать. Прошла и похмельная голова, которая, казалось, вот-вот развалится. Похмелье. Похмелье! Пить. Пить! Стремительный рывок к крану остановила страшная боль. Я распластался на полу, силясь не закричать, чувствуя, как теплая кровь вновь начала ползть по брюху. Стало понятно, что нужно сделать два важных дела и лишь потом медленно передвигаться на кухню, к вожаемой влаге. Гильотинировав еще одну ампулу, вколол сильнейшее тонизирующее средство: с делом номер один покончено.

После того, как новый поток энергии сменил раздавливающую боль, я обработал рану на щеке и изрезанную кожу на кистях. Далее вдел в специальную загнутую иглоку нить для сшивания кожи. Взял медицинские щипцы, которые схватили иглу своими тентаклями. Намочил вату спиртом. Нужно было что-то, на что можно отвлечься. Взгляд нащупал телевизор, подвешенный к стене. А вот и пульт, нужно только подтащить его с помощью ноги. Так можно убить сразу двух зайцев: отвлекусь от боли, пока буду себя штопать, и узнаю одну новость, о которой сейчас должны трубить во всех СМИ. Палец нажал на кружок с единицей.

Да, на первом канале, и правда, освещалась одна громкая новость. Но не та, о которой я хотел услышать. Другая... Океания и Хартленд встали на путь примирения. Грядут великие перемены! Какая прелесть! Это явно была новость номер один, расположенная на первых страницах всех газет, даже бумажных. Вот только о том, что был установлен факт атаки субмарины Океании на субмарину Хартленда, не было сказано ни слова. Камикадзе-оппозиционеры пытались распространять эту информацию, но, как видно, без особого успеха.

Нельзя сказать, что дезинформацией было все, что говорилось о грядущих великих переменах. Мы, человечество, действительно ощущаем себя на пороге чего-то нового и всеохватывающего. Перемены нависли над земным шаром, разбухнув от таинственности, потемнев от неопределенности. За всеми произошедшими смещениями в сфере ресурсов, информации или финансов, последует Деформация – это закон. Зажатые потоки, которые образовала система, вырвутся на поверхность, вся их мощь окажется высвобождена, и последствия этого просчитать невозможно.

Но теперь я вижу, что эти последствия могут принести жителям нашей планеты благо. Ведь, если всмотреться, прищурившись, то можно увидеть основания для громкого заявления – человечество нащупало кусочек тверди, чтобы сделать шаг на следующую ступеньку. Мы готовы к новому витку. Что будет после Реформации, Ренессанса, Просвещения и современного ада? Быть может, есть надежда на более позитивное продолжение? Возможно, она и была, но я, Первый, Нулевой, Организация поспособствовали тому, чтобы этот и без того боязливый шаг не был сделан. Более того, последствия теракта на АЭС должны привести к тому, что будет сделан шаг назад.

Теперь, в результате произошедшей за кулисами информационной войны, Организация исполняла роль плохих, а Хартленд и Океания выступали ярыми филантропами. Да, мы были нужны лишь для создания нужного оттенка. Как можно было этого не понимать?! Черное и белое необходимы друг другу! А как еще им оправдывать свое существование? Возможно, развитие и продолжается только потому, что сталкивается с регрессом и ввязывается в новое противоречие. И истина, сопутствующая всякому естественному росту, ударяясь о контраргументы, окунается в пучину очередной дискуссии, изобретает инструменты для устранения искажений.

Из телевизора сыпались слова диктора, перенасыщенные профессиональным пафосом: «Новая веха в отношениях двух сверхдержав начнется с глобальных учений. Бомбардировщики обоих государств с ядерным оружием на борту облетят стратегически важные объекты друг друга».

Бурая затвердевшая кровь покрыла мою кожу сложным узором, который почему-то казался красивым. Я начал стирать этот узор, это произведение, сотворенное болью. Когда рана была очищена, она чем-то стала напоминать ехидную безгубую улыбку. Она изрыгала малиновую жижу, когда удалялись старые нитки, которыми меня заботливо и аккуратно «зашнуровал» Отец Кирилл. Пора шить по новой. Прокалывалась кожа, нить связывала ее лохмотья. Не думать о боли. Вместо этого подумаю о том, что затеяли Хартленд и Океания.

Шаг был рискованным для обеих сверхдержав, но только так можно было по-настоящему продемонстрировать доверие друг к другу. Военные базы, ядерные склады, закрытые производства и атомные электростанции. Океания исследует Хартленд, а Хартленд Океанию. Якобы бывшие враги узнают секреты друг друга.

Кстати, один из самолетов пролетит и над Той Самой АЭС.

Диктор продолжал надрываться: «Только такими поступками можно полностью искоренить угрозу, которая исходит от Организации и террористов вообще. После событий минувшей осени, атаки Организации на подлодку Хартленда, стало понятно, что только силы коалиции сверхдержав способны истребить терроризм».

Я переключился на другой канал, не дослушав, в какое точно время ядерный бомбардировщик Океании пролетит над заминированной АЭС.

Штопая себя, я трудился с усердием портного, шьющего дорогое пальто под заказ. Первый узелок был особенно крепким и хитрым: сначала прокалывалась одна сторона кожи, потом соединялась ниткой с другой с помощью еще одного прокола. Шил я плотно, возможно, более плотно, чем было необходимо: еще многое предстояло вынести.

Второй канал. Тоже не то, что нужно! Но репортаж заинтересовал: информация, которая там оглашалась, вплеталась в общее полотно событий, которые вертелись, в том числе, и вокруг меня. Речь шла о подводной лодке. Боевой ядерной подводной лодке флота Хартленда, пропавшей со всех радаров минувшей осенью.

Сигнал от судна пропал после странных звуков. Оператор зафиксировал крики подводников, в том числе крики о помощи. Одни члены экипажа замолкали, начинали кричать другие. Эксперты распознали звуки резни. Затем все затихло, и подлодка пропала.

Увлечшись новостями о подлодке, я сделал неточное движение иглой. Чтобы укротить раздражение, начал быстро переключать каналы. Дешевые остросюжетные сериалы и шоу, от качества и содержания которых просились на волю слезы и рвота. Программы, превращающие интеллект в свалку, растущую с угрожающей быстротой. Передачи, усиливающие непрекращающуюся болезненную рябь в сознании так называемых индивидуумов. Проблему с телевидением Хартленд не может решить уже не первое десятилетие. Точнее, думаю, не хочет, боясь населения, способного размышлять.

На одном канале я все же задержался. Здесь часто показывали новости, всегда остросюжетные, из-за чего нередко страдала их правдивость. Вот и сейчас там сообщалось, что во всем мире резко участились жалобы в психиатрических клиниках. Пациенты сами приходили к специалистам и ставили себе диагноз – шизофрения. Массово. И описание симптомов было у всех одинаковое. Жалующимся казалось, что их нет, они никогда не жили и даже не рождались. Другие, с меньшим словарным запасом, просто заявляли, что они мертвы, не видя в этих высказываниях никакого противоречия. Все психиатрические лечебницы были переполнены. Количество самопровозглашенных сумасшедших, больных так называемым «синдромом трупа», в мире было уже в несколько раз больше тех, кому и правда была нужна помощь. Привлекалось все больше неподготовленных психотерапевтов, качество услуг по оказанию психиатрической помощи стремительно падало.

За этой новостью шла другая, не менее экстравагантная: во всех уголках мира самые разные животные вышли из дикой природы и наводнили города, перестав бояться и избегать

цивилизации, будто не замечая более самого факта существования самых опасных всеядных хищников – людей.

Я снова включил первый по счету канал. Новости там продолжались, но сменилась тема. Снова проклятая подлодка! Но теперь говорят, что ее нашли... точнее, ее обломки.

Через двенадцать минут я закончил себя штопать. Зашитая рана походила на сороконожку. Шрам обещал быть аккуратным и симпатичным, куда более симпатичным, чем я сам. Обработал шов спиртом, затем не удержался и сделал несколько солидных глотков, предварительно разбавив его водой. Грамм двести, не закусывая, – идеальный способ похмелиться.

И только задумавшись о глотках, я вспомнил о жидкости вообще. Пить! Я наконец добрался до крана с водой на кухне и напился сырой воды. Казалось, жажда еще не побеждена окончательно, но пришлось оторваться от струи, так как только что наложенные швы начали растягиваться.

Такое обезвоживание натолкнуло на мысли о причинах его появления. Минувшую ночь. Ресторан «Эдип», двери которого открыты далеко не для всех. Сколько веселых ночей мы провели там вместе с Первым! В какие только проявления гедонизма, запрещенного нашей верой, мы не окунались. Первый... Мой любимый и единственный друг. На лицо влезла улыбка, горькая до тошноты. Глаза придавили слезы. Да, это была крепкая мужская дружба, несмотря на присутствовавший в ней надлом, связанный с нашими, столь различающимися глубинными убеждениями. Ни разу мы не поговорили об этом. Достоевский писал, что настоящая дружба основана на унижении, так вот наша уж точно была из таких. Я дорожил этими отношениями, хранил их, как нечто хрупкое и бесценное, но еще больше обожал оголенную ненависть Нулевого...

Я выгнал мысли о Первом из головы и заставил себя подумать о другом. Да, стоило убираться из этого жилища как можно скорее. Ведь тем троим, что наблюдали за моим возвращением на восьмой этаж, ничего не мешало вызвать полицию. И неизвестно, скольких свидетелей я не заметил. Тоска набросилась при осознании, что навсегда придется оставить это жилище. Но сейчас нужно абстрагироваться, оказаться за чертой суетных мыслей хоть на несколько минут!

Не удалось: внимание втянул телевизор, как мощный сквозняк втягивает хлипкий дым. Телевидение выполнило свою основную функцию. А то, что там показывали, до конца испортило мне настроение. Итак, первый обломок подлодки поднят со дна.

Да, у меня были свои причины не любить эту животрепещущую тему: я был главным участником тех событий, моряки кричали от ужаса и боли, потому что внутри подлодки повстречались со мной и Нулевым. Это была моя первая проваленная операция. После этого провала Организация, моя семья и работодатель, решила от меня избавиться. И еще, похоже, тогда-то я и свихнулся окончательно.

Да, безутешные жены и матери до последнего продолжали верить, что их отправившиеся в подводное плавание мужа и сыновья вернутся. Но надежды их были напрасны. Я перерезал всех подводников, кроме тех немногих, что остались Нулевому, и тех восьми, что гнались за нами в конце. Один из них, зная на что идет, обменял свою жизнь на возможность включить режим самоуничтожения на подводной лодке. Мне было хорошо известно, что подлодка уничтожила сама себя ракетой, ликвидировав остальной свой ядерный арсенал вместе с Реактором, который вдыхал в нее жизнь. С отважными до безрассудства мужчинами пришлось тогда столкнуться: они пожертвовали собой и машиной, но не дали мне, Нулевому и Первому вырастить ни одну ядерную боеголовку.

Это и аннулировало мою жизнь.

Если бы тогда у нас все вышло, мы бы не минировали АЭС, чтобы произвести ядерный взрыв, и мне бы и в голову не пришло спасать граждан Хартленда... Я остался бы в Организации, и не было бы никакого Федора...

Ошпаренный мыслями о Федоре, я резко вскочил на ноги. Только что зашитая рана вновь напомнила о себе. Но препараты действовали, и я был куда более бое- и дееспособен. Достал из сейфа небольшой чемоданчик со специализированными химическими препаратами и выпотрошил его. Рылся в образовавшейся на полу куче, пока не нашел искомое. Опять обезглавливал ампулы, а инсулиновые шприцы вбирали в себя их содержимое. На каждый шприц был одет колпачок.

Солнце сегодня резвилось, сочилось, несло крупницы теплого света, как самум – крупницы песка. Незрелые его апрельские лучи через стекла, замутненные шторами и грязью, залили и кухню, и гостиную. Но светило не было навязчивым. Безмолвно облизывало лучами все подряд. Лизнуло картину, на которую художника вдохновила сцена из Софокловой трагедии. Странно, но на левую сторону картины свет не падал, будто солнечный луч тактично обошел ее, оставив без внимания. Ту же сторону, где изображалась Иокаста, солнце поливало густым потоком. Я решил купить эту картину, как только увидел: вот я облакачиваюсь на нее взглядом, и решение впрыгивает в голову, и вот аукцион уже выигран. Нулевой тоже тогда приобрел картину. Я знал, что повешу эту картину именно сюда, еще до того, как она стала моей. Другие варианты даже не рассматривались.

Ее соседка, написанная более столетия назад якобы последним предводителем ига, уже висела здесь. Пришлось перевесить ее ближе к стене, чтобы уместились обе. Вот первое приобретение обошлось дороже. Гораздо дороже. И еще уйму денег пришлось потратить, чтобы стать «анонимным победителем» аукциона.

Организация не знает о данном месте. Для этого пришлось хорошо постараться. И так уж вышло, что именно этому помещению с ужасными обоями, испещренными синими цветками, больше всего подходило название «мой Дом», несмотря на то, что появляться здесь можно было лишь несколько раз в год и спать в комнате без окон. Я мог жить в самых роскошных отелях или купить жилье в любой точке планеты, но ничего из этого не мог бы назвать собственным Домом. Именно здесь, в этой квартире, я развесил кусочки своего прошлого, обрывки сведений и озарений. Хотелось выстроить из метафизических кубиков здесь свой мирок. Мне был важен этот мирок. Мне необходимо было куда-то сбежать.

Когда мой взгляд перепорхнул на картину с изображением светлокожих дев, что-то внутри начало сигнализировать о некоем диссонансе. В этом шедевре, имеющем сходство с произведениями художников-ориенталистов, мелькала фальшь.

Я переключил на второй по счету канал, а там- ну конечно же... новость о сближении Хартленда и Океании и том самом самолете, что пролетит над АЭС! Как только не называли это событие. С каких только сторон его не разворачивали. Будь у этой новости анус, зритель смог бы заглянуть и туда, соответствуй эта информация выстраиваемой риторике.

Именовали эту новость и «Новой стадией эволюции», и «Концом эпохи войн». Авраамические религии в один голос благословляли данное событие. Это, бесспорно, была новость Номер Один. Я же взирал на это с сарказмом слишком горьким, чтобы улыбаться: дружба Океании и Хартленда не является дружбой ради мира во всем мире. Это все та же дружба против кого-то. В данном случае, против Организации. Но о подобных вещах просто не хотели думать.

Слова Первого, сказанные вчера ночью, вздрогнули в голове. Разгоряченный... нет, не алкоголем, а осознанием предстоящего нам боя насмерть, он сказал много лишнего. Наверняка Организация запретила ему говорить со мной о подобном, но он был уверен, что я не переживу минувшую ночь.

– Сынок, элиты хартлендов и океаний нуждаются в организациях! Распоряжаясь этим фактом, Товистокский институт и ему подобные создают точные прогнозы, ставят удачные эксперименты. Организация, как и ее недавно сгинувший предок, претендовавший на суверенитет, создавалась как пробный росток. Но росток вышел из-под контроля, вырос и разросся, окутав весь мир.

Боль уходила. Силы пребывали. Пришлось подойти к картине, вызвавшей тревогу, вплотную. Я неплохо разбирался в этом виде искусства, хотя и не имел никакого таланта к написанию. Только сейчас стало понятно, что это подделка. Подделка, на которую было потрачено восемьсот четыре тысячи!

Сел. Снова уставился в телевизор. Попытался расслабиться. Но была куча вещей, которые толпились в беспокойной очереди перед входом в сознание. И одной из мыслей, особо настойчивой, было позволено войти. Через пять минут она переросла в план. Были взвешены риски, которых оказалось слишком много. Во что бы то ни стало нужно добраться до аэропорта...

Внимание снова набросилось на экран телевизора. Усталость, истощение сказывались на способности концентрироваться, а выпитые двести грамм рады были им помочь. А еще на миг показалось, что это Федор мешает мне размышлять. Новости кончились. Началась передача, в которой у сельских дам отбирали их ветхие одежды и наряжали по последней моде. Затем показывали их публике, а те несчастные шаркали по подиуму, с ужасом понимая, насколько чужды их усталые, отупевшие лица этим роскошным нарядам.

Меня интересовали только новости. Где же видеоролики, снятые с «голливудским» размахом, с применением богатого опыта подобного «кинематографа», накопленного Организацией? Где обращения ее лидеров к кафирам? Ведь весь этот материал Организация должна была предоставить СМИ сразу после того, как таймер бомбы, предназначенной для Реактора АЭС, начал обратный отсчет. Собственно, только поэтому и нужен был таймер, иначе бы трагедия произошла, как только я и остальные десять участников теракта покинули зону поражения и затаились. Что же происходит?.. Ведь Первый этой ночью столько говорил об информационном взрыве небывалого до этого масштаба!

– Обезглавливание кафиров, сжигание их в клетках, это все, сынок, конечно, хорошо. Да, это возбуждает чувства вины и ненависти в так называемом цивилизованном мире. Не дает потухнуть стокгольмскому синдрому. Но массовая перестройка сознания, такая, чтобы в наши ряды хлынули новые братья, а остальные боялись даже ненавидеть нас, еще не произошла, – сказав это, первый опрокинул в себя стопку и тщательно проследил, чтобы я сделал то же самое.

Еще будучи гражданином государства нигилистов, я ждал чего-то более масштабного и беспрецедентного. И вот дождался. Даже стал одним из главных действующих лиц этой акции. Вот только не думал, что теперь буду воспринимать содеянное как жертвоприношение абсурду. Это было слишком ужасно, хотя раньше мне не приходилось задумываться о градации «ужасности». Как жаждал я еще недавно этой акции – ритуала для воскрешения ига. И как рьяно теперь воделею обратного. Как трудно быть сумасшедшим!

– Что ни говори, сынок, а четко выстроенная Организацией пропаганда в СМИ работала с большим КПД. Расчеты Товистокского института оказались верными. Кафиры, сами того не осознавая, пропитались страхом. Видео, где неверных казнят самыми разными способами во имя нашего ига, разлетелись по мировой паутине, подобно вирусам в метаболически активных клетках. Мы отравили сознание неверных. А за четыре дня до взрыва Организация, используя подготовленные видеообращения, нанесет по их психике сокрушительный удар. Наши спичрайтеры отлично постарались. Подготовлены видеообращения лидеров Организации к миру. Наконец-то и мы увидим начальство, сынок! По всей планете разнесется наше послание. Тревога за эти девяносто шесть часов перерастет в панику. А потом прогремит взрыв и начнется самое интересное! Все они поймут, что шутки кончились и мы приступили к активным и обширным действиям!

Слова Первого оживали в памяти столь отчетливо, что казалось, его лицо было всего в метре от моего. Черные глаза, похожие на жуков-скарабеев, раздувшиеся от фанатичного блеска, излучающие нетерпение и болезненное волеизъявление. Кожа орехового цвета на лице, растянутая гневом. Черная, как уголь, борода, вздрагивающая, когда его массивная челюсть

штамповала слова, переполненные отвращением к тем, кто был не согласен с идеями ига. Но за всей этой гримасой, возможно, только я мог различить мольбу о помощи. Мой друг судорожно искал выход из тупика, в который загнали его мысли, выпачканные в примитивной идеологии.

А потом прогремит взрыв?! Нет! Нет! Нельзя этого допустить!!!

Сколько ненависти сгенерирует население Хартленда сразу после трагедии! Ненависти, которую некуда излить, ведь войскам некого будет атаковать. Цели на карте, чтобы доставить подходящую ракету, нет: государство нигилистов перестало существовать, а Организация – лишь его осколок, она не обозначена на карте, не обведена границей, растворена в социуме. Сотни миллионов людей сгенерируют поток первобытной злобы, способный спровоцировать мутацию коллективного бессознательного. Но еще больше разрушений принесет страх.

– Взрыв АЭС отравит Хартленд, сынок. Я говорю даже не об экологической катастрофе. И без того хрупкий купол под названием безопасность, нависший над миром неверных, рухнет, и обломки его будут биться об их затылки. Купол рухнет, так как все его крепления, созданные из лжи и утешений, перестанут существовать. Ложь станет прахом: такова ее природа. А взрыв станет началом хаоса, которому мы не дадим прекратиться. Мир замрет, сожмется, как гармошка, а лидеры неверных затрубят о старых ценностях, переиначенных на новый лад. Много будут говорить об успешном сближении Хартленда и Океании и их эффективных совместных действиях в борьбе с глобальным терроризмом, с Организацией. Но за всем этим бредом будет нечто реальное – страх, вырвавшийся нору в подсознании, глубоко-глубоко. Мир уже не будет прежним. Не будет, и все тут. Страх будет выпрыгивать из-за угла, наступать кафирам на пятки, пока они не склонят головы. И вот они уже прогуливаются с ним под руку, надоедливым гостем он слоняется по их жилищам. И всем им будет страшно, даже тем, кто еще не знает, что боится. Другого пути преобразить мир я просто не вижу, сынок!

Я переключал канал за каналом: убивающие способность размышлять шоу для домохозяек, плохие и ужасные сериалы и ситкомы, изобилующие сценами насилия новости. Ничего из того, что так ждал Первый. Отыскал пыльный ноутбук. Кое-как вышел в интернет. Там тоже не было и намека на Организацию и ее видеообращения. Быть может, и Первый был посвящен далеко не во все, что касалось взрыва АЭС?..

Я выключил телевизор и швырнул ноутбук в угол. Лег на пол и продолжил думать о том, как добраться до АЭС. Сделать это можно было только по воздуху: ни на одном наземном транспорте не успеть даже доехать отсюда до электростанции за одиннадцать часов. А ведь предстояло еще «навестить» в музее Нулевого, победить его в бою и подвергнуть пытке, чтобы узнать код. Учитывая серьезное ранение... Но не время думать о том, что предотвратить теракт невозможно! Сейчас нужно думать о том, как добраться до аэропорта, найти самолет, способный долететь до города, в котором расположена АЭС, и пилота, который согласится поднять этот самолет в воздух.

Помочь могли здесь только деньги. Большое количество материальных средств. А того, что у меня было с собой вместе с тем, что нашлось в этой квартире, едва хватит на взятку за молчание администратору, который сопроводит меня к камере хранения. Но была идея, где раздобыть средства. Городок, в котором я сейчас находился, был для меня особенным: в нем располагалась эта квартира, в нем располагался наш с Первым любимый ресторан «Эдип», в нем же располагалась камера хранения, о которой также не знала Организация.

Всего у меня было одиннадцать камер хранения, расположенных на разных континентах. О десяти из них было известно Организации: она вела за нами слежку и не скрывала этого. В них были паспорта, деньги, оружие. Здесь не было ничего странного: киллерам такого уровня, как я, Первый и Нулевой, это было необходимо. Но одиннадцатую я открыл, когда на короткое время сумел освободиться от тотальной слежки Организации. Показалось хорошей мыслью обзавестись тайной камерой хранения неподалеку от тайного жилья. В ней находились насто-

ящие сокровища. Этих средств хватит, чтобы не только «без билета» долететь до АЭС, но и облететь весь мир.

Вот только шансов забрать свое имущество у меня немного: Организация наверняка догадалась, что я не смог покинуть этот городок и затаился в нем. Целая армия сейчас ищет Второго. Теперь Организация не успокоится, пока я не умру. Что может помочь выжить? Умение убить раньше, чем убьют меня. Но этого слишком мало. А еще? Что еще? Взгляд начал ударяться о стены квартиры, будто желая помочь своему хозяину придумать план. И он справился. Замер на одном из перевернутых кресел, с которого свисали короткое красное платье и парик.

Маскировка! Переоденусь в женщину. Даже надену каблуки. А что делать? Возможно, только такого Организация и не ожидает. Отыскал чулки и бюстгальтер. Мысленно поблагодарил бывшую хозяйку этих вещей.

Перед тем, как пойти брить ноги, я решил проверить свои ключи, коими являлись верхние фаланги указательных пальцев. Открыл свой кейс-холодильник. Слизкие, блестящие от присутствовавшего здесь солнца, похожие на мертвых бледно-розовых личинок кусочки шестерых людей. Пальцы сморщились, как морковь, перележавшая в холодильнике, отчего казалось, что бледно-серые, с неприятным бежевым оттенком ногти стали больше. Места, где фаланги были отделены от остальной руки, почернели.

Один из пальцев поможет попасть на территорию, прилегающую к АЭС. Второй – даст доступ к коммуникациям. Третий – позволит управлять градирнями. С помощью четвертого – я попытаюсь предотвратить взрыв системы охлаждения, обслуживающей Реактор. Пятый палец позволит попасть в предреакторный зал. А шестой – откроет дверь, за которой находится головной компьютер, так называемый мозг всей электростанции, который тоже заминирован.

Но этих пальцев-ключей будет недостаточно. Я, Первый и Нулевой, каждый из членов нашей неразлучной троицы, замуровал в своей памяти восемнадцать символов. Никто из нас не знал коды друг друга. Без кода Первого невозможно было попасть внутрь АЭС. С помощью моего кода открывалась дверь, за которой находился сам Реактор. А код Нулевого активировал и, что было особенно для меня важно, деактивировал бомбу с часовым механизмом, которой был заминирован Реактор.

При воспоминании о Нулевом, легендарном, до сих пор никем не побежденном бойце, жестокость которого наводила ужас даже на агентов Организации, снова стало страшно. Возможно, это был единственный человек, к которому я испытывал страх. Хотя нет, Первый тоже входил в этот список... Первый и я, может быть, и были лучшими диверсантами, но Нулевой, мягко говоря, превосходил нас в рукопашном бою, обращении с холодным оружием и вообще во всем, что касалось убийства. Гениальный слуга смерти. Сверхъестественно быстрый. Его движения в бою – танец, смертоносный эзотерический танец. Меньше всего на свете хотелось повстречаться с ним еще раз. У меня были плохие предчувствия. Не получалось убедить себя, что удастся выжить после этой встречи.

Полагаю, возможность остановить таймер бомбы сохранялась на тот случай, если Хартленд согласится на условия, выдвигаемые Организацией. Но я был уверен, что этого не произойдет. Во-первых, последствия взрыва атомного Реактора были не хуже последствий, которые повлечет за собой выполнение условий Организации. А во-вторых, едва ли сверхдержава воспримет все это всерьез, пока ее разведка не будет владеть точной информацией.

Я закрыл кейс. Надел бюстгальтер: мои развитые грудные мышцы, может, и были похожи на грудь первого размера, но такого сходства точно было недостаточно. Темно-бордовый, имеющий всего несколько часов отроду, шрам от пули на правой щеке был замазан толстым слоем тонального крема. Крем лежал в сумочке Louis Vuitton, также оставленной проституткой. Там же обнаружилась губная помада, которой мне, с третьей попытки, удалось разукрасить губы. Изувеченную щеку спрятал и парик. Я критически осмотрел себя в зеркало. Платье, казалось,

вот-вот лопнет. Больше всего смущали ноги, хотя можно было подумать, что дама в коротком красном платье биатлонистка или просто увлеклась фитнесом.

В дамскую сумочку поместились лишь два найденных в сейфе пистолета-пулемета Heckler&Koch MP5 последней модификации, облегченные и уменьшенные, калибра девять миллиметров. Данные экземпляры были лишены прикладов, что очень кстати: я в совершенстве освоил стрельбу с двух рук. В сумочке также оказался пистолет SIG-Sauer P320, почти из такого же в меня стрелял Первый. Взял много патронов. Задумался на пять секунд и все же взял наступательную фугасную гранату МКЗА2, осколки которой разлетаются на две сотни метров. Вколол еще одну дозу тонизирующего средства. В отдельный кармашек сумки положил наполненные шприцы и различные ампулы.

Перед выходом я еще раз посмотрел на картину «Женщины во внутреннем дворе». Снял ее со стены, вынул из рамы, скомкал, положил в раковину и поджег. Толстую бумагу, вымазанную красками, глодал огонь, превращая в черную искривляющуюся пластину. Она разлеталась на кусочки, и те распространялись по кухне, похожие на черные осадки, такие легкие, что воздух не сразу позволял им приземлиться на пол.

За три квартала от дома стояла моя машина. Точнее, не моя, а любезно предоставленная одним замечательным человеком. Черный Lexus RX. Никогда бы не сел за руль этого автомобиля, если бы не был уверен, что все бойцы Организации, видевшие, что я использовал его, были мертвы. Он достался мне в идеальном состоянии, но я быстро внес «коррективы». На месте левого зеркала неряшливо торчали провода, словно лохмотья на месте вырванной конечности. На задней табличке с госномером было пулевое отверстие, от чего шестерка стала больше похожа на восьмерку. Задней левой фаре пришел конец. Переднего бампера более не существовало, отчего надменная морда Лексуса с несколько лукавым прищуром глаз-фар будто лишилась нижней челюсти и приобрела паническое выражение. Примерно так я представлял лицо героини дебютного романа Чака Паланика. Некогда черная глянцевая поверхность машины была покрыта грязью, пылью и липкими древесными почками. Я положил в салон Луи Виттон, кейс с отрубленными пальцами и поехал к камере хранения.

Глава 4

2 дня 18 часов 22 минуты до взрыва Реактора. Ночь.

Над увязшей в рыхлой россыпи искрящихся звезд луной, похожей на перенасыщенную радиацией дыню, развалился бесконечным ковром лес – черный, как ночь, заполоненный таинственными звуками, кишаций жизнью. Согласно поверьям новозеландского племени маори, каждому вновь рожденному человеку соответствует одно проросшее дерево. И этот лес... сейчас казался исполинским бесформенным лохматым животным, обросшим жизнями, многие из которых уже перестали гореть. Каждое дерево было волоском на теле этой материальной сущности, а я, как блоха, копошился в ее меху.

Исходя из того, что в мои планы не входило покидать поезд, когда он мчался по мосту через реку, остается предположить, что мне помогли. Неясно, чем была вызвана краткосрочная потеря памяти, но очевидно, что это хартлендцы решили избавиться от меня, не желая ехать в одном вагоне со столь омерзительным соседом. Они снова изгнали меня! Продолжая бег внутри гигантского древесного ворса, я почувствовал, как в заваленной шахте моей изувеченной психики пробудилось «нечто», что подвергалось захоронению уже не раз. Едва оказавшись в этом лесу, я пытался снова усыпить это отряхнувшееся от дремы «нечто», но оно упорно рвалось на поверхность.

Я бежал по узкой тропинке, прогрызшей себе путь сквозь густое нагромождение деревьев. Одет был в одни лишь кеды, в которых ходил по вагону, используя их вместо тапочек – о чем теперь ни капли не жалею, – то есть был только обут. Я знал, что пробежал не менее десяти километров. До сих пор не сбил дыхания, хотя скорость бега была приличной. Кровь разогре-

лась, дыхательные пути прочистились, и все запахи ощущались особо остро. Нельзя было ни наслаждаться ароматом леса, которым делились деревья. Вот-вот они выдавят из себя почки, ознаменовав новый цикл, еще раз пробудив жизнь. Интенсивная работа ноздрей приносила особое удовольствие. Такого наслаждения от лесных ароматов я никогда не испытывал.

Так всегда: когда неотложные дела требуют от нас полной вовлеченности, когда назойливые проблемы нагло набрасываются, требуя в качестве откупа массу времени, мы особо остро воспринимаем тот или иной аспект природы. И на этом контрасте кажется, что, когда мы разгребем ворох своих авралов, то обязательно будем больше времени уделять этим аспектам. Но беззаботное состояние рассеивает наше внимание, и мы редко вспоминаем об этом решении.

Нет, это бред. Даже представить не могу, как те две женщины, которых я собирался убить вместе с остальными пассажирами, сопротивляясь бросившемуся в вагон визжащему ветру, выталкивают меня в черную воду, каким-то образом лишив способности запоминать. Но с них станется! Или нет? В любом случае, иных причин, почему я оказался в реке, не было. Не удавалось придумать даже фантастические теории. Хотя... Но сверкнувшую мысль смело, когда я вновь предположил, что это хартлендцы, пассажиры поезда... Изгнание! То самое «нечто» уверенно продолжало свой путь наружу. Я снова изгнан из Хартленда! Это «нечто», этот гомункул, незримый и неуправляемый, которого я породил, смешав тревогу, страх и отвращение к самому себе, становился все сильнее, обжираясь моим отчаяньем.

Хотелось остановиться: шелест деревьев, звук от соприкосновения их веток казался манящим и приветливым, будто они незлобиво ухмылялись моим потугам, понимая всю глупость намерения снова достичь мира людей. Цель и правда была странной, особенно, если учесть, что большинство людей, населяющих окружавшее лес пятно пространства, были кафирами. Появилось безудержное желание смешаться с этой древесной ордой, выбрать место помягче и пустить корни, нежно обнять этими корнями корни других деревьев и мирно сосуществовать с ними целый век. Сейчас я так мечтал разделить с ними землю, стать родным этой чаще. Сознать нашу единую природу.

Что меня спасло, когда я покинул поезд, проходивший по высокому мосту через реку? Двойное везение. Редчайшая благосклонность Фортуны к моей персоне. То, чем все кончилось, не могло не ошеломить меня. Кажется, Госпожа Удача пребывала в легком недоумении, спутав меня с одним из своих любимчиков.

Во-первых, прыжок был сделан примерно в середине моста. Поэтому мое тело прорезало воду, не достав дна. Но для спасения жизни этого было мало: мост был очень высоким, тем более, в момент падения я не владел своим телом. Поэтому, второе везение заключалось в том, что сначала вода проглотила ноги и я врезался в нее под прямым углом. Рэндалл Дикинсон и Люси Уордл^{3*} наверняка бы мне позавидовали. Уже упоминалось, что шок позволил запомнить лишь тот момент, когда голова оказалась над водой и челюсти откусили огромный кусок кислорода. Ни удар о воду, ни то, как я барахтался в ее объятиях, пытаюсь выплыть на поверхность, не смогли стать моими воспоминаниями. В реку прыгнул не я! Я не хотел этого делать.

Изгнан из Хартленда! Гомункул жрал мои мысли, тасовал их как вздумается. Осквернял мое сознание. Испражнялся в подсознание. Изгнан Хартлендом! Гомункул придавил меня, и вот-вот превратит во влажное пятно. Изгнан из общества! Зерно ядовитого растения, что я похоронил под триллионами тонн самообладания, все же сумело прорасти и оказаться на поверхности. Изгнан обществом...

Свежесть медленно растворяющейся ночи и погода, характерная для этой части Хартленда, облепили мое тело холодом. Лишь интенсивная работа ногами и руками помогала не окоченеть. Путь освещал прибор, который, помимо множества других функций, выполнял роль спутникового телефона. На вид как обычный смартфон, лишь толще и тяжелее. Серебряная матовая изящная вещь с резко закругленными концами. Я знал, что эта штука была полезной, но теперь, потонув в этом бескрайнем лесу, ценил ее гораздо больше. Навига-

тор, работающий без интернета, и встроенный компас помогли проложить маршрут, который должен был вернуть меня в цивилизацию. А как первый признак цивилизации передо мной должна была предстать асфальтированная дорога, по которой двигаются люди внутри машин. Я очень надеялся, что кто-нибудь из этих людей придет мне на помощь... несмотря на мой наряд Адама.

Смартфон Организации и кеды – все имущество, что было при мне. Аппарат, подобный тому, что освещал мне дорогу, был у каждого члена нашей Организации. Напрашивался термин «корпоративная связь». Порой он звонил всего пару раз в год. Когда мы поднимали трубки, измененный до неузнаваемости голос сообщал, где и когда нужно появиться. Часто местом встречи являлся ресторан «Эдип», обладающий особым статусом, где я и Первый любили появляться не только для обсуждения дел. Гораздо реже суть задания излагалась прямо по телефону. Мы были обременены строжайшим обязательством не разлучаться с этим прибором, не отходить от него далее чем на три метра. Если ты не снял трубку, значит, ты мертв.

От одежды я избавился еще в воде, иначе бы дно приласкало меня. Зажав водонепроницаемый «чудо-телефон» в зубах, сражаясь со спазмами от переохлаждения, я добрался-таки до берега, преодолев вплавь огромное расстояние. Паспорт и другие вещи остались в поезде. Но ничего, дома – им я называл свое потайное убежище – у меня есть еще несколько паспортов, причем все, как один, настоящие. Голубоватый луч из смартфона сверлил тьму впереди. Казалось, что этот луч был трубочкой, через которую тьма решила выпить свечение моей ауры. Испить до дна. Этот марш-бросок вынуждал констатировать, что первые признаки старения уже скребутся у порога: еще года два назад я бы и не заметил такой пробежки. Но быстрее всего изнашивался мой рассудок, точнее, разум. Я упал.

Луч фонаря хаотично вздрагивал. Кривляющееся пятно света сновало по деревьям, вырывая из мрака ветви, которые походили на кости чудовищ. Я споткнулся о ежа. О ежа размером с десятикилограммовый арбуз... Я даже не успел удивиться его размерам, так как появился иной повод для удивления, затмивший предыдущий: гигантский еж встал на задние лапы, открыл свою пасть, глаза его вспыхнули красным, на морде... хотя нет... на лице... ежа появилась ухмылка и он засмеялся безумным человеческим смехом. Затем произнес одно единственное слово

:«СКОРО!» – а потом завизжал так, что перепонки заныли. И скрылся в лесу.

Этот еж превратил меня в парализованное ничтожество. Произвел импульс, с помощью которого тот самый гомункул обрел всю свою мощь, и, обретя ее, откусывал по ломтю от моей души. Страх истязал. Чувство одиночества пожирало, потрошило. Демоны устроили шабаш и глумились, вращаясь вокруг меня. Больше всего на свете хотелось спрятаться, отгородиться от остального пространства, чернота которого давила, разбирала на части. Так ощущает себя тот, кто неприкаянно бродит в холодную ночь по улицам, понимая, что остальные мирно спят в тепле, уюте и любви. Не нищий без крова, а тот, кто оказался в таком положении впервые. Только это чувство усиливалось. Тьмой и излившейся вниз лунной мглой. Тишиной, в которой, казалось, спряталась опасность. Пониманием того, что вокруг нет людей и если закричать, то крик не будет услышан даже кафиром.

Не знаю, что было бы дальше, если бы я не увидел черную кляксу, высвеченную смартфоном. Кусочек пустоты. Дыра, заросшая ветками. Чернеющий провал не светлел даже от луча искусственного света. Вряд ли это можно назвать пещерой. Просто отверстие в скальном образовании, заросшее деревьями. Я ринулся туда.

В этом углублении, выточенном природой, места хватало как раз для одного. Я будто пребывал в лишенном пломбы огромном зубе, который принадлежал останкам великана. Сидеть здесь было удобно: отверстие было гладким. Сверху меня укрывало одеяло из грубых камней, потемневших под натиском ночи. Я сидел в позе сформированного эмбриона. Ветер не захо-

дил сюда, ударяясь о камни, он продолжал свою беготню в других местах. Апрельский ночной холод тоже обходил пещеру стороной.

Здесь стало хорошо, спокойно. Казалось, мне удалось собрать себя воедино. Подобрать все куски своей личности, которые обронил на пути к этому моменту. Так мы и сидели, все вместе, то есть я цельный, обнятые горной породой. Не имея точки отсчета, трудно было предположить, сколько времени я там провел. Возможно, прошло пять минут, возможно, час. Но чувство покоя и целостности, спустя какое-то время, начали растворяться: состояние это было непривычным, и сомнение в том, что оно может продлиться долго, начало теснить его.

Я знал, что придется покинуть это место и продолжить поиски трассы, но сейчас не вышел бы отсюда, даже если бы в пещеру бросили гранату. Интересно, ребенок в матке знает, что скоро его изгонят оттуда? И если знает, хочет ли этого?..

Когда покой был истреблен своей противоположностью – тревогой, мерзкой, как пуля, задевшая кость, вернулись мысли, назойливые, как помехи в безупречном радиосигнале. Ничего не оставалось, как начать думать. И вспоминать.

Я думал об одном человеке. Нет, о двух людях. Хотя все же об одном. Дело в том, что я и сам не до конца мог здесь определиться: так быстро мысль металась от одного к другому, что фиксировать их, как обособленные объекты, уже не было возможности. Моя мать и Нулевой... Мысли о них разжигали боль, но долго без этой боли я обходиться не мог.

Нулевой. Он принял решение остаться там, в месте, которое станет эпицентром ядерного взрыва. Совершенный убийца, который, как казалось, ни за что по своей воле не расстанется с жизнью хотя бы потому, что лишится возможности наслаждаться убийством. Решение Нулевого поразило всех в Организации. Его хотели принудить не делать этого, но невозможно управлять человеком, решившим умереть.

Я узнал об этом случайно, застав рыдающего Первого стоящим на коленях перед Нулевым. Он умолял его чего-то не делать. Ни до, ни после я не видел Первого плачущим. Нулевой заперся в музее современного искусства, расположенном совсем рядом с заминированной АЭС, и ждал конца. Я не знал человека, которому были известны его мотивы, сам же Нулевой скупился даже на междометие, когда его просили прокомментировать свое решение. По этому поводу я услышал от агента Ноль одну единственную фразу, за которую хоть как-то можно было ухватиться, чтобы сделать подобие выводов... Но ничего конкретного.

Мать. Казалось, здесь, в этой каменной гробне, еще когда покой был моим другом, я ощутил едва уловимый аромат материнской любви. Нельзя было точно сказать, так ли это на самом деле: я никогда не ощущал этой самой любви. Но интуиция и что-то еще, заваленное грузными мыслями, говорили о том, что это была именно она.

Мать никогда не любила меня, ведь я был живым, постоянно мелькающим перед глазами напоминанием о ее позоре. Я появился на свет после того, как ее изнасиловали. Моим биологическим отцом, насколько известно, был маньяк, который (опять же – вроде бы) сгнил в тюрьме, попав туда за череду подобных выходок. Да уж, характером я точно был в папку! Разве что насилие в государстве нигилистов, в отличие от Хартленда, было делом нормальным. И насильники, и насилуемые относились к этому по-другому.

То есть я не только появился на свет под аккомпанемент страдания, а был и зачат таким же образом. Интересно, умру я быстро или опять же в страдании? Как после этого не согласиться с Шопенгауэром, который считал, что зло довлеет над добром. В итоге, я просто-напросто выбрал наиболее выгодную сторону, оказавшись с нигилистами.

Для своего отца, точнее отчима, я был живым напоминанием о его бесплодии. К тому же я родился с врожденным уродством. Параллельно с моим ростом в родителях разрастались чувства позора, неполноценности, все больше ненависти и отвращения исходило от них. Лучше бы меня отдали в интернат или бросили в пропасть, подобно спартанцам, бросающим «забракованных» младенцев в Апофеты.

Мысли снова бросились к матери. От матери к Нулевому. Они ненавидели меня. По-разному. С разной силой. По разным причинам. Мать за то, что я вообще родился, используя ее как инкубатор. Нулевой – за цвет кожи, говоривший о том, что я не мог быть коренным жителем государства нигилистов: «Твоя душа разлагалась в обществе кафиров, когда мы восьми лет от роду уже имели честь стоять в первых шеренгах и видеть, как этим самым кафирам отрезают головы, как их сжигают и прибавляют к крестам!»

Я начал выстраивать из мыслей шаткие конструкции, снова пытаюсь оправдать этих двоих. Не было дня, чтобы я ни посвятил этому время. Несмотря ни на что, мать меня вырастила. Найти факты, чтобы оправдать Нулевого, было сложнее. Поэтому в миллионный раз пришлось вспоминать события в подводной лодке. Мысли снова носились от матери к Нулевому и обратно, пока не слились в однородную массу, в какое-то фиолетовое марево. И я не заметил, как без остатка провалился в воспоминания двухнедельной давности.

Мое пробуждение наступает раньше назначенного срока. Из-за этого все и пошло наперекосяк. Нужно было всего лишь очнуться вовремя! Но вышло то, что вышло. И я услышал то, что услышал, то, чего не должен был слышать, то, о чем предпочел бы не знать – разговор Первого с Нулевым. Они и сами упомянули, что их слова ни в коем случае не должны дотянуться до моих ушей.

Их тайна рушится на мой разум вопреки строгому запрету. К шоку от услышанного подключаются фобии, ибо постепенно приходит понимание, где я. Затем я вспоминаю и зачем здесь нахожусь. Нулевой и Первый уверены, что я все еще без сознания. И говорят, говорят, добавляют подробностей. А я силюсь снять наушники, но в то же время не могу себя заставить. И слушаю, слушаю, слушаю...

Я внутри подводной лодки, которая осуществляет процесс погружения. Вместе с Первым и Нулевым я кропотливо работал над этой операцией, досконально знал все, что должен был сделать, прибыв сюда. Готов был и к некоей дезориентации, которая должна была наступить после пробуждения, и знал, как ее преодолеть.

Почему лидеры Организации настояли на том, что нас нужно усыплять, чтобы переправить на исходные точки, оставалось большой загадкой как для меня, так и для Нулевого с Первым. У нас на троих был специальный канал связи. Первый оказался в подлодке Океании. Нулевой и я – в подлодке, принадлежащей Хартленду. Задачи каждого четко распределены. Задача Первого – атаковать нас торпедой.

Но знания о том, как преодолеть дезориентацию после пробуждения в подводной лодке, негодились: хватило воспоминания о том, что я уже приходил в сознание после усыпления, как раз перед тем, как оказаться в подлодке. Тот опыт пробуждения был менее удручающим, но точно не менее примечательным.

Тогда я очнулся и понял, что меня кто-то несет. Угадывался человеческий силуэт, но он был настолько твердым, что казалось, будто все его одеяние было сделано из стали. Невозможно было даже предположить, кто это, но проклятия в мой адрес исторгались, судя по голосу, пожилым мужчиной. Нес он меня так же, как и бранил – уверенно, не прерываясь, будто совсем без усилий, и такой легкости способствовали не мышцы, а некие трубчатые механические приборы, шедшие вдоль его рук и ног и имеющие источник питания на спине. От него исходило странное ощущение... иное чувство времени: сейчас оно ощущалось ни как однородная линейная текучесть, а являло всю сложность движения своих потоков, сложность, постижимую лишь до определенного предела... Так вот кто он такой...

Я успел осмотреться. Увидел небо, серо-голубой, неравномерно покрашенной тушей нависшее над морем. Море же представляло вязкую безразмерность, вздымающую спокойными волнами. Оно выкрасилось в цвета неба, будто желая быть на него похожим. На полпути к горизонту из воды выступал айсберг, похожий на съеденный наполовину брикет пломбира.

Его и так восхищающая абсолютная белизна еще больше выделялась из-за голубых прожилок, порожденных игрой света с неровностями.

Мы передвигались по хребту подводной лодки. Здесь же расположился и ее экипаж, застыв по стойке смирно. Капитан судна замер сбоку, уткнув кончики пальцев в висок. Мой взгляд пополз вбок. На берегу – скопление кафиров, провожающих экипаж. Они все, все до единого, казались застывшими, абсолютно неподвижными... Я хотел снова взглянуть на подводников, но не успел.

Тот, кого звали Мрак, почувствовал пробуждение своей ноши и немедленно принял меры – резко откинул голову назад, одновременно увеличив громкость своих проклятий, к которым добавилось кряхтение. Его затылок, покрытый чем-то твердым, врезался мне в нос, который едва не был сломан. Я тут же свалился в забвение, забрав с собой кучу вопросов об увиденном.

Теперь, когда Первый и Нулевой наговорились, сами того не зная, сообщив мне больше, чем я готов был вынести, появилась возможность подумать о чем-то другом. Этим «чем-то» и стал Мрак, а точнее, тот эпизод... Кто он вообще такой? Даже нам, трем главным агентам Организации, практически ничего не было о нем известно. Мы лишь знали, что наше руководство привлекало его в самых сложных, а иногда и безвыходных ситуациях. И он всегда справлялся, делая чудеса. Как? Этого не знал никто. Но что за странное ощущение было рядом с ним?.. Будто я оказался вне времени и, одновременно, в нескольких временных точках.

Но долго поразмышлять об этом не удастся: паника наливает на меня, заключает в тиски, когда я понимаю, как глубоко погрузилась подлодка. Я ощущаю увеличивающееся давление ревущей воды. Кислород становится токсичным. Все ниже и ниже! Воспоминания о разговоре Первого с Нулевым режут душу тупым ножом.

Стены подлодки кажутся слишком хрупкой защитой. Соленая жидкость, которой наглатываются балластные емкости, сдавливает судно с нарастающей силой. Металл прогибается, уступая давлению глубины, поет песню мученика, утробно, с надрывом. Чем глубже, тем громче его стон. К нему примешивается гудение ГТС и «щитов». Эта какофония становится невыносимой. Жидкость снаружи больше не кажется водой. Не может она вести себя столь агрессивно. Это исполинское морское чудовище пытается сожрать нас! Оно уже втиснуло субмарину себе в пасть с тысячью гигантских ножей вместо зубов и скоро перекусит ее надвое.

Начинается горячка: дефицит кислорода в мозге. Дышу глубже и чаще. Борюсь с паникой. Но дно все ближе! Первый и Нулевой вновь заговорили на ту же тему. Меня уносит куда-то, не знаю куда, но вон отсюда, поэтому не противлюсь этому. Продолжаю делать мощные вдохи и выдохи. Сознание отслаивается от меня. Просачивается сквозь стены внутреннего и внешнего корпусов подлодки. Границы между мной и водой стираются. Она обволакивает, дотрагивается до каждого миллиметра тела. Несколько секунд я был свободен от мыслей, а когда они вернулись, быстро понял, что погружен не в ледяную соленую воду. Нет, эта субстанция была теплой и приятной... Амниотическая жидкость.

Что происходит? Назову это «регресс памяти». Сознание разворачивается, регрессирует, как если бы дерево начало вращаться обратно в землю. Я зародыш в утробе. Понимание невозможности этого события отброшено. Чувство абсолютной защищенности. Покой в «ритмичном бездействии». Хочется остаться здесь на вечность. Прошлое продолжает засасывать. Я эмбрион.

Мои биологические часы отключаются. Голова уже не нацелена на влагалище, а принимает прежнее положение, в котором я пробыл внутри матки большую часть времени. Я стремительно уменьшаюсь. Перестаю слышать материнский голос. Пищеварительная система перестает работать. Остальные системы тоже. Попадаю в полную зависимость от плаценты. Конечности растворяются, принимая грубую форму некоей живой сырьевой заготовки. Мозг уже не контролирует тело. Я покрываюсь лакуной. Мой эмбрион уже не отличить от плода мыши или свиньи. Процесс моего рождения продолжает обращаться вспять. И вот я станов-

люсь эмбриональным шариком, по форме похожим на маленькую трубку. Как приятно было сбегать обратно во чрево! Но если все так пойдет и дальше, придется разлучиться с маткой...

Удается выбраться из восприятия, которое обрушилось так резко, и вспомнить, где на самом деле находится мое неподвижное, равномерно вздрагивающее от глубоких вдохов-выдохов, тело. Скорее всего, выходу из измененного состояния сознания поспособствовал гулкий, грозный удар подлодки о морское дно.

Я не просто перестал ощущать внутриутробное существование. Еще и вспомнил, зачем здесь оказался. Вспомнил свою миссию. Нужно добраться до электронных мозгов этого судна. Маршрут и план действий были выжжены на скользкой коре моего мозга. Необходимо добраться до той части интеллекта машины, которая отвечает за пожарную безопасность, и отключить ее. Для этого я начинаю двигаться в намеченном направлении.

Глубина моря, на дне которого я сходил с ума, нависла своей вседозволенностью. Звуки стенания прочнейших металлических стен, жужжащий в ушах гнет всесильной воды снова пригвоздили меня к месту. Далеко я не ушел. А ведь уже пора было действовать! Согласно плану, я должен был начать к моменту, когда субмарина ударится о дно. Но и пробудиться я должен был именно в тот момент...

Снова дышу глубоко и часто. Чувство, что я нахожусь в чреве матери, вернулось. Противостоять этому невозможно, пытаюсь хотя бы с этим смириться. Уменьшаюсь в размерах. Звуки внутри материнского организма уже не слышны, даже матка становится безмолвной. И дальше, дальше, как незаметный придаток, как хвост, о котором позабыл хозяин, меня несет к истокам, к Акту Творения. Я, то есть то, что от меня осталось, открепляюсь от стенок матки. Состою уже не более чем из шестнадцати клеток – бластомеров. Мне страшно, но почему-то я счастлив. Теперь я бластоциста. Моя плоть разрыхляется. Вот-вот я стану одноклеточным организмом. И едва я стал зиготой, меня будто разорвало надвое. Процесс неболезненный, но, почему-то, печальный. Распадаюсь на две клетки. На какой-то едва заметный миг пришло ощущение двойственности, когда можно было ощутить себя сразу обоими пронуклеусами, мужским и женским ядром внутри яйца. Но потом некая сила убедила меня, что я сперматозоид. При мыслях о судьбе женского ядра доносится еле различимый голос Нулевого...

Утрачена дуальная целостность, если можно так выразиться. Теперь я лишь нечто половинчатое. Я настолько мал, что боюсь об этом думать. Я одноклеточный ядерный организм. Сперматозоид! Слышу голос Первого из недр, из остатков восприятия того мира, в котором находилось мое тело. Вслушиваюсь. Радует хотя бы то, что Первый больше не секретничал с Нулевым, а говорил по делу. Он предупреждал, что запустит в нас торпеду через минуту. К этому времени я уже давно должен был справиться с системой пожарной безопасности. Но я не мог этого сделать из-за того, что «превратился» в сперматозоид. Не было возможности и предупредить об этом коллег: слова наотрез отказались мне служить.

Торпеда покажет свою пасть через двадцать секунд. Из матки я переместился в парные гонады – яички отца. Что это?.. Нагло слепит яркий, то ли лиловый, то ли фиолетовый свет. Во всем хаосе происходящего ярко сияла единственная уверенность – все это я уже переживал когда-то.

Старт. Начало животворящего паломничества. Я и еще около полумиллиарда сперматозоидов готовы отправиться в путь, к главному и единственному призу. Едва слышный голос Нулевого. Кажется, голос взволнованный. Похоже, они догадываются, что у меня что-то пошло не так. Нулевой говорит Первому, что нужно отложить пуск. Но поздно.

Торпеда летит к нам. Удается воспользоваться жалкими остатками человеческого сознания, чтобы понять – сейчас раздастся взрыв. Смерть, выпущенная Первым. Даже не видя летящего снаряда, я ощущаю в нем всю энергию агента Один. Удар! Взрывная волна топчет подлодку. Казалось, зубы потрескаются, а жилы прорвут кожу. Но не меньше девяноста процентов экипажа выживает: Первый знал, что делал, атака спланирована с фанатичной педантично-

стью. Голос агента Ноль. Напрасно он вытягивает из звуков, букв осмысленные фразы: толстая пелена помешательства позволяет распознать лишь бесформенный словесный сгусток. Это сигнал Яйца, поход к которому я начал вместе с сотнями миллионов собратьев! Призыв, звук которого ни с чем не спутать.

Теперь голос Нулевого – главный и единственный ориентир. Иду на него. Я – торпеда, пущенная Первым. Снова слышу, как вода тискает судно в своих могучих челюстях. Но сейчас ощущение всеобъемлющей влаги успокаивает: это семенная жидкость, потчующая фруктозой и глюкозой, защищающая меня от смертоносных кислот. Нет! Ошибка. Это смертоносная кислота на стенках влагалища, которая уничтожает больше половины моих собратьев. Некоторых из них я вижу, вот они бегут, стянутые огнем, плаваются и падают. Я слышу их страдания. На долю секунды вспоминаю, что никакие это не сперматозоиды, а подводники, гибнущие от пожара. Но эта вспышка тухнет быстро и неумолимо. Теперь мы, выжившие сперматозоиды, ждем События. Ждем, когда «врата в матку» разверзнутся. Пора конкурировать жестче: во что бы то ни стало нужно первым добраться до Нулевого, источающего прогестерон...

Едва мы оказались в матке, я начал убивать. Все сперматозоиды, что попадались на пути, сразу умирали, выбывали из игры, лишались возможности повстречаться с Яйцеклеткой. Я устроил настоящий геноцид. Следующий этап. Сейчас главное угадать, в какую из фаллопиевых труб вплыть. Ошибка – смерть. Угадал: продолжаю слышать голос Нулевого. Пространство сузилось, ограниченное размерами проходов в фаллопиевой трубе. Догоняю конкурентов и забираю их жизни. Один удар – одна жизнь. То же делаю с теми, кто пытается догнать или обогнать меня.

Сильный жар. Больно. Пробую боль на вкус, разбираю на части. Она напоминает о моем настоящем теле. Прихожу в себя и сразу отпрыгиваю от пламени, облизывающего туловище. Опускаюсь, падаю, касаюсь ладонями пола, ощущаю что-то теплое, липкое, жидкое. Упираюсь туда взглядом. Кровь. Кровь вытекает из тела. Из трупа подводника. Вокруг много крови, при тусклом освещении подлодки она кажется коричневой. Множество кровавых луж деформировалось, соединяясь в одно озеро. Пол завален трупами. Огненные ядовито-оранжевые лохмотья трясутся в агонии. Держусь за рукоятку ножа. Его лезвие спряталось в печени одного из подводников. Что в фаллопиевой трубе делают мертвые люди?! Но потом я окончательно прихожу в себя.

Что я натворил? Перерезал половину экипажа подлодки, думая, что они сперматозоиды, что они конкуренты. Громадный моряк бежит на меня, подняв над головой корявую железку весом не меньше пуда. Разит ей то место, где я стоял миг назад. Этот удар убил бы меня сразу. Мой нож действовал успешнее: уже дважды побывал в брюшной полости здоровяка. Но тот все отказывается падать и умирать. Голос Нулевого оживает в ухе. Он в гневе, тревоге, растерянности. Кричит в наушник. Мне ничего не остается, как сказать Нулевому и Первому правду.

– Умоляю, отложите упреки и истерику. Нам нужно импровизировать!

То, что я сделал – то есть не сделал – для операции имело роковое значение. Наша цель – похищение одной из ядерных боеголовок, которыми вооружено это подводное судно. Мы вдвоем должны были выманить ракету наружу. Именно для этого Первый пустил в нас противолодочную телеуправляемую торпеду. Атаковать нужно было так, чтобы лодка не была уничтожена. Нужно было только лишь устроить на ней пожар, сохранив ядерные боеголовки и наши с Нулевым жизни. При появлении огня на судне срабатывает система пожарной безопасности. Если же огонь подбирается к «ядерному отсеку», нагревая его до определенной температуры, то электроника, предотвращая взрыв оружия массового поражения в брюхе подлодки, осуществляет автоматический пуск ракет. По очереди. Сначала больше всего пострадавшие от пожара – самые опасные.

Поэтому мне было необходимо отключить систему пожарной безопасности, помочь огню выжить, чтобы он помог нам. Но я не справился. Шипящая белая жирная пена, напоминающая взбитые сливки, умертвила почти все кусочки огня.

Снова растворяются привычные обстановка и мироощущение, оставляя лишь еле заметный след, напоминающий о старой яви. Продолжаю резать подводников. Сражаюсь за победу в фаллопиевой трубе с другими сперматозоидами. Голос Нулевого все ближе. Скоро его можно будет услышать и без наушника. Мечтаю о нашей встрече. Вождею оплодотворения. Яйцеклетка все ближе!

– Пробуем вручную? – предлагает Нулевой, главной задачей которого было обеспечение нам путей отхода. Он все понял и не задавал мне лишних вопросов. – Система... как она называется? В общем, система, позволяющая перемещаться из отсека в отсек, перешла под мой контроль.

– Конечно, пробуем, – отвечаю я.

– Первый?

– Я здесь.

– Ты уже перебрался на тягач?

– Да.

– Тогда давай ближе к нам.

– Мне не стоит пока ничего спрашивать?

– Не сейчас.

– Объяснимся позже, – ответил я, наделяя эти слова двойным смыслом. Передышка: подводники перестали атаковать. Две трети личного состава подлодки существует лишь в виде разлагающейся биомассы.

– Эй, Ноль! – воззвал я.

– Я не ноль, слышишь ты, пришлый ублюдок!

– Ну хорошо, Нулевой...

– Если ты еще раз...

– Давайте не сейчас! Пожалуйста! – призывает нас к благоразумию Первый.

Нулевой сообщает, куда нужно идти. Затем сообщает, где будет ждать меня – отсек, в котором располагается особый транспорт, «управляемые баллоны» в человеческий рост с мощным винтом на конце. На таких аппаратах передвигался спецназ этой подлодки, выполняя особые поручения. Нулевой держал наготове два таких баллона. Ими мы и воспользуемся для побега. В отличие от меня, Нулевой сделал все, что от него требовалось. И если все мое осознание снова не снесет в повторное переживание своего рождения, у нас даже появится маленький шанс выжить. У меня же появляется собственный план, о котором я пока не распространяюсь.

– Второй! Теперь ты должен самостоятельно прорваться ко мне. Все устроено, мне остается только дождаться тебя.

«Я жду тебя», – говорит мне Яйцеклетка! Нет, стоп, это сказал Нулевой. Похоже, снова начинается... Нет! Ведь это уничтожит весь мой план, который я только что придумал! Сражаюсь с тремя подводниками. Остальные, поработанные яростью, желая растащить меня по частям, напиться моей крови, распиливают болгаркой дверь, которую заблокировал Нулевой. Эти трое мало что знают о рукопашном бое и хотят сбить меня с ног, чтобы задавить массой. Тесное пространство на их стороне. Судя по кителю, один из них – командир этого судна. Он мне и нужен. Улыбаюсь своей удаче. В улыбку врезается кулак. Даю сдачи, вырвав бившему кадык. Еще двое. Один нужен живым, второй мешает. Я на полу, придавленный двумя рассвирепевшими моряками. Убить могу лишь командира, но пока нельзя. Лодка вздрагивает неизвестно почему. Это позволяет вырваться, совершить очередное убийство и остаться один на один с командиром. Мой новый план начал реализовываться.

Мы в «рубке управления». Вокруг скопление светящихся квадратов разных размеров, их сотни, с различными надписями. Будто я оказался в особой галактике, где звезды были квадратными и очень близкими. На главном мониторе голубой светящейся ниткой изображена подводная лодка.

Полторы минуты, четыре сломанных пальца, и командир готов выполнить мою «просьбу». В двух предложениях излагаю Первому и Нулевому свой план. Он довольно прост. Я запущу ядерную ракету вручную, для этого и прибыл в «рубку управления». Мы продолжаем действовать, давая эмоции, порожденные новой надеждой. Сообщаю о начале пуска. Нулевой говорит Первому, чтобы тот подготовил специализированный подводный тягач к перехвату ядерной боеголовки.

Металлический диск пилы изрыгает водопады рыжих раскаленных искр. Ущипнув перепонки, люк падает на пол. В рубку управления врываются те, кто так хотел до меня добраться. Что за суровые люди эти подводники Хартленда! Я столько их перебил, но они продолжают упорствовать. Их натиск, признаюсь, обескуражил даже меня.

Мои ребра едва не трескаются. Я на полу. Абсолютно не считаясь с моим положением, безумие снова наваливается на меня. Как много вокруг сперматозоидов, которые мешают мне достичь Яйцеклетки! Вырываю гениталии одного из врагов. Его рев плещется, ударяясь о металлические стены. Еще двое мешкают. Увечу им кадыки. Агония швыряет их на пол. Стоя на телах, из которых выдыхалась жизнь, активирую программу пуска ядерной ракеты. Строго по инструкции, которую изложил мне командир субмарины после небольшой пытки.

На мой хребет рушится могучая рука еще одного подводника. Я не заметил его, сконцентрировавшись на сложном процессе пуска. Сближаясь с полом, успеваю лизнуть взглядом монитор. От схематичного изображения субмарины отрастает пунктирная линия – траектория полета ракеты. Теперь эта линия возвращается в то самое место, откуда начиналась... Ударивший меня подводник уже никак не мог отключить пуск ядерного оружия, но успел поменять его цель. Ракета уничтожит объект, внутри которого пребывала до запуска. Да, голубая светящаяся пунктирная линия на мониторе, образовавшая замкнутый круг, недвусмысленно намекает на то, что подводная лодка уничтожит сама себя.

Компьютер вслух считает секунды до пуска. Замолкает. По лодке проходит вибрация и глобальная смерть выплывает в море, чтобы сделать круг и вернуться. Подводная лодка обречена. Целых три удара ушло на то, чтобы убить того, кто обрек судно на гибель. Но это всего лишь вышедшая из игры жизнь. Ничего уже не исправить. Пуск нажат, цель назначена, процесс необратим. Я слишком поздно убил этого человека, к которому проникся уважением. Достойный соперник, который бился до конца и достиг цели. Миссия провалена. Мы не похитим ядерное оружие. Нулевой, узнав от меня об окончательном фиаско, сообщает о маленьком шансе спастись. Но зачем?..

Субмарина будет уничтожена через девять минут. Нулевой досконально объясняет, как добраться до места эвакуации, спасения, бегства. Несмотря на всю ненависть, что этот агент испытывает ко мне, он не бросает меня умирать. Хотя уже мог бы оказаться в спасительном тягаче вместе с Первым.

Раздается утробный, басовитый звук. Где-то что-то лопается. В подлодку начала литься вода, а затем и кромешная темнота. Черная пелена рушится на веки. Слышу, как скрипит открывающийся люк. Как раз в том направлении, куда я должен следовать, слышатся шаги. Выжившие подводники. Начинается очередная мясорубка в узком проходе. Мое дыхание учащается в схватке, хотя дышать и без этого тяжело. Я снова размеренно черпаю глоткой огромные дозы воздуха.

Не в силах сопротивляться, не имея к этому ни воли, ни желания, опять оказываюсь странствующим сперматозоидом. Передо мной смертельные враги – резидентные клетки иммунной системы, что по ошибке восприняли меня как угрозу. Убиваю и эти клетки, хотя

прямой угрозой являюсь лишь для других сперматозоидов. Путаюсь в ресничках фаллопиевой трубы, перерезаю одну из них, освобождаясь. Теплый сок льется на меня, приводит в чувство на миг. Это не ресничка, а очередная глотка.

Яйцеклетка призывает. Задача у Нулевого одна – спасти, продлить наши жизни, начавшиеся когда-то... Жизнь – такой была его цель. Жизнь. Снова всплываю в общую реальность. Она черная. Абсолют черноты – мрак в утробе дохлой стальной рыбыны, возведенный в квадратную степень морской глубиной.

Спустя примерно минуту удастся сообразить, куда нужно направляться. Не избежать новых встреч с кафирами. Два отсека, и я на месте. Еще немного. Яйцеклетка совсем рядом. Плыву по фаллопиевой трубе, уничтожая сперматозоиды. Это продолжалось, пока яйцеклетка – в ужасе от мыслей об отторжении эндометрия, менструации, своей гибели – не закричала мне, как будто, прямо в ухо.

– Быстрее, Второй!!!

Следую к месту эвакуации. Внимательно слушаю через наушник все подсказки Нулевого. Первый подгоняет подводный тягач, который вместе с нами должен был увезти драгоценный груз с обогащенным ураном внутри. Рублю троих подводников огромным гаечным ключом, который случайно подобрал. Бью, вспарывая не рассеивающийся мрак, ориентируясь лишь по звукам. Несколько раз и сам получаю по своему, так называемому, лицу, но держу удар. Яйцеклетка где-то совсем близко. Небывалые радость и волнение захлестывают меня. Понимание торжественности момента завораживает. Структура мембраны головки меняется, делая меня быстрее, сильнее. Я должен быть первым... Должен превратиться в полноценную жизнь.

Расстояние до Яйца уменьшается, а число мертвых подводников, с моей помощью, увеличивается. Девять с половиной миллиардов живых людей. Плюс или минус десять, какая разница?.. Меня снова валят на пол. Это помогает случайно нащупать пистолет, который я обронил, пребывая в измененном состоянии сознания. Три последних патрона – три убийства. Еще двоим ломаю шеи.

Передо мной люк, за которым находится Нулевой, если верить его словам.

Я вот-вот стану чемпионом! Обрету величие! Стану тем самым пилигримом, который доставил генетический код отца. Осталось лишь пробраться через корону радиата в зону пеллюцида и убить несколько сперматозоидов, дабы они не опередили меня. Но они набрасываются, засыпая меня ударами. Еще бы, ведь только один из нас может стать участником Акта Творения! Тяжелый предмет ударяется о мою голову. Чернота тает, на смену ей приходит небытие.

Синие и желто-зеленые огоньки. Двигаются, удаляются от меня. Похоже, избегают. Перемечаюсь вслед за ними: красиво. Вокруг меня черно-синяя муть, похожая на чернила. Видны лишь эти огоньки. Становится различим бурый продолговатый предмет. Когда он оказывается на расстоянии двух метров, удастся рассмотреть глаза. Без огоньков это было бы невозможно. Но не они бросаются на мое внимание первым делом, а некий щуп, что располагался у этого «нечто» прямо между глаз. Он светился на конце ярко-голубым сиянием, шевелился, будто исследуя меня, сканируя. Это продолжалось, пока «нечто» не открыло пасть. Внутри пасти мерцала омерзительная бездна, в ней шевелилось что-то. Из пасти торчали огромные зубы, похожие на сосульки разной длины, на вид острее катаны. Пасть продолжала раскрываться, приближаться, и теперь можно было рассмотреть ее хозяина. Разъяренный, неумолимый взгляд, под стать зубам. Мистический щуп вот-вот дотронется до меня. Так вот как начинается вечное пребывание в аду.

Потом это существо что-то начало сотрясать сбоку. Я не сразу понял, что именно, пока не увидел, что в него входит нож с совой на конце рукояти, раз за разом. Нож был в руке, облаченной в костюм для глубоководных погружений. Только сейчас заметил, что на мне был

такой же костюм. Рука с ножом принадлежала Нулевому. Существо пошло ко дну. Его взгляд даже не изменился, когда оно перестало жить.

– Что, идиот, решил пообщаться с Меланоцет Джонсоа? – спросил меня Нулевой с помощью нашего средства связи.

– С кем?

– Меланоцет Джонсоа. Их еще называют морские черти. Их желудок столь пластичен, что они могут поглотить добычу, превышающую размер их тела. Хотел побывать там? А вон те милые синие и то ли зеленые, то ли желтые огоньки именуются «светящимися анчоусами». Это все обитатели морских глубин, самого дна. Не многие способны жить под таким давлением воды. Мне пришлось изучить все это для одного из заданий...

– Мы живы?

– Пока да. Но надолго ли – непонятно. Посмотри назад.

Я смотрю. И вообще осматриваюсь. Оцениваю ситуацию. Я сижу на одном из тех «баллонов», на которых мы и планировали совершить побег. Привязан к нему хитроумным способом, специальным ремнем. Похоже, Нулевой каким-то образом управлял обоими, пока я не очнулся.

На расстоянии примерно пятидесяти метров – хотя вода могла искажать ощущение пространства – плыли восемь таких же «баллонов с наездниками». Выжившие подводники. Они явно хотели настигнуть нас не для того, чтобы поздороваться.

– А где те, что отпинали меня?

– Убиты мною, конечно же, – ответил Нулевой. – На твоём месте лучше бы стоило беспокоиться о тех восьми выживших, что преследуют нас.

– Подлодка еще цела? – спросил я, забыв поблагодарить Нулевого за спасение.

– Да, она взорвется через полторы минуты. Догоняй, нужно мчаться изо всех сил, у наших преследователей есть отличные подводные ружья! А у нас – только этот нож! – после этих слов Нулевой начал удаляться от меня, разгоняя свое средство передвижения до максимальной скорости.

Мы свободны от подлодки. Но не от ее обитателей. Мы с Нулевым сверлим водную массу. На плечи нам взобрались по два других баллона – с воздухом. В наши рты пролезли трубки, которые вместе с маской позволяли дышать.

Опять начинается. Снова нет сил этому противиться. Вода начала проходить сквозь меня. Я и глазом не успел моргнуть, как снова стал сперматозоидом. Яйцеклетка дразнит, вырываясь вперед, не давая догнать себя и оплодотворить. Вождею слияния. Мечтаю растереть нас в пыль, чтобы мы растворились друг в друге. Для создания чего-то третьего. Для создания продолжения.

Но, когда я просовываю макушку в старую реальность, где удираю от подводников, рождается еще одно желание. Я хочу ринуться вверх. Увидеть небо. Там жизнь, а здесь, в обволакивающей меня ледяной жидкости, какой-то зал ожидания, чистилище. Это вода, это не моя среда: у меня нет жабр.

Подводники начали настигать нас, когда стал различим звук приближающегося тягача с Первым. Яйцеклетка удаляется. Вижу, уже вижу тягач Первого. Две реальности втягивают меня попеременно одна в другую, как им заблагорассудится. Похоже, золотая медаль первому... кто придет к финишу, к Яйцу, достанется не мне. Гори оно все огнем!

Я сперматозоид. Единственным напоминанием о привычной реальности служит информация о том, что **взрыв произойдет через одну минуту**. Почти все внимание преследующих нас подводников приковано к тягачу. Я собираюсь этим воспользоваться, чтобы попасть вверх. Но ведь тогда тягач не защитит меня от подводной взрывной волны. Все равно! Вверх. Это решено: подлодка покоится на дне и мы отплыли от нее уже на приличное расстояние. Вперед и вверх! Это может спасти меня. Зачем то я начал цепляться за жизнь.

Подводники стреляют в нас. Виляю в сторону, надеясь на то, что моя хитрость будет спасительной. Так и происходит: ни один из восьми преследователей не увязывается за мной. **До ядерного взрыва сорок пять секунд.** Вперед и вверх! Восьмерка подводников продолжает мчаться за Нулевым к замершему тягачу, готовому нас спасти. Они рвутся сквозь темно-синюю жижу, от обжигающего холода которой нас спасают костюмы. Мое отсутствие то ли не было замечено, то ли никого не интересует. Большого мне и не нужно.

Мой транспорт оказывается в вертикальном положении и начинает бурить воду, как червь, пытающийся выбраться из яблока. Два восприятия, измененное и привычное, снова «мигают», по очереди внедряясь в разум. Когда я сперматозоид, то полностью осознаю отречение от единственной миссии, признаю свое фиаско. Перемешивать гены своего хозяина с генами яйцеклетки буду не я. Но чем выше я поднимаюсь, тем меньше меня это беспокоит.

Стоп! А куда это я поднимаюсь? Нахожу ответ, лишь снова вернувшись к человеческому способу восприятия. Наверх мне нужно, чтобы встретить там жизнь. Я не знал, успеет ли безоружный Нулевой добраться живым до тягача, но склонялся к тому, что успеет. Этот агент всегда выживал.

Представляю, как сперматозоид и Яйцо швыряют друг в друга по двадцать три хромосомы, и те путаются в новом фейерверке, рождая нечто уникальное и неповторимое. Но свершится ли это? Будет ли вообще оплодотворена яйцеклетка?

Я снова человек. По крайней мере, ощущаю себя в человеческом теле. В толщу нагло тискающей меня воды просачивается лазурь. Жажду оказаться над водой. Пусть животворный кислород спеленает меня. Пусть жизнь вне влаги перережет пуповину, натянутую между двух восприятий и оставит лишь одно – привычное.

В ухе вспыхивают звуки. Нулевой. Что я слышу в его голосе? Уж не тревогу ли? Он спрашивает, где я. Мой ответ – молчание. Из черно-синей вода постепенно превращается в голубую. Свобода от нее все ближе. **Не больше тридцати секунд остается до взрыва.** Нулевой сообщает, что находится внутри тягача. Я живо представляю, как агенты Один и Ноль обволакивают тела друг друга в радостных объятиях... А я плыву на встречу воздуху и солнцу. Жизнь.

Агенты Один и Ноль делятся... делятся впечатлениями. Наверняка так сейчас и происходит. Они внутри спасительного корпуса тягача, который закрывается и никому больше не позволит попасть в его нутро... Нулевой и Первый. В металлическом яйце, защищенные от оксида водорода, который играючи дает и забирает жизни. Я по-прежнему не выхожу на связь, хотя прекрасно их слышу. **До взрыва десять секунд.**

Первый уже сообщил, что они больше не могут меня ждать. Они вдвоем, я один. Они вдвоем, включив мощный двигатель тягача, удаляются в заданном направлении. Жизнь – их цель. А я двигаюсь в своем направлении – вверх. Жизнь – и моя цель тоже. **Пять секунд до взрыва.**

И вот оно. Солнце, кажущееся почему-то фиолетовым сквозь толщу воды. Бесформенное пятно. Светило будто растаяло. А вот и он – воздух. А вот и она – жизнь. Уже **через три секунды лопнет ракета**, смертоносная мощь смешается с морской влагой несметных массы и размера. Жизнь. Тут же сняв маску, глотаю настоящий кислород, не из баллона. Давлюсь воздухом. Не могу насытиться. **Одна секунда. ВЗРЫВ!** Я вспомнил это событие так отчетливо, что взрыв, казалось, лизнул перепонки. Это вывело меня то ли из дремы, то ли из транса. Все, что я вспоминал, будто заново было пережито.

За время моего пребывания в пещере концентрация дневного света увеличилась. Небо начало флуоресцировать серым тенистым светом. Ветки леса, сквозь которые я смотрел вверх, предавали этому небу вид растрескавшегося куска мрамора. Ночь ушла, перестав наводить на меня параноидный ужас. Еж начал забываться, и я покинул пещеру. Сразу начала донимать прохлада, и я возобновил бег.

Я пробежал еще несколько километров, когда правая рука завибрировала. Я не сразу сообразил, что мне звонят. Звонят?! Новое задание?! Но ведь атомный Реактор взорвется только через два с лишним дня. И лишь тогда наше задание можно будет считать до конца выполненным. Не в правилах Организации давать нам новые задания, пока до конца не будут выполнены старые... Я не задумываясь ответил на звонок, плавно перейдя на шаг. Голос Первого. Он никогда не звонил на этот телефон.

– Привет! – произнес Первый весело, как-то развязно, растягивая слова.

– Привет, привет, – ответил я, не скрывая удивления и пытаюсь скрыть ушаченное дыхание, что получалось плохо.

– А ведь мы так друг друга толком и не поздравили! Так вот, поздравляю тебя с блестяще проведенной операцией! И снова мы сделали это вместе! – Я уловил в голосе собеседника едва заметное дребезжание.

– Аналогично... – ответил я. Мерзкая и тревожная мысль постучалась мне в голову.

– Может, отметим?.. Ты где вообще?

– Вышел анекдот.

– Расскажешь?

– Изумительная история.

– Расскажешь???

– Отчего ж не рассказать? – За несколько секунд оттягиваемого времени удалось придумать историю, качество и правдоподобность которой некогда было проверить.

– Рассказывай.

– Отстал от поезда на одной из станций: я в поезде уже успел наотмечаться! Встречаю, в итоге, одного занимательного персонажа, который был еще пьянее, чем я. Он оказался лесником и пригласил меня в гости. А что, АЭС уже довольно далеко от меня, подумал я, и принял приглашение. И вот мы в его жилье, где-то посреди леса. Представляешь?! – я исторг из себя эту тираду без запинки, пытаясь своей интонацией максимально правдиво подчеркнуть всю комичность придуманной мною только что ситуации. Мысль-тревога быстро переросла в мысль-панику и бесшабашно, без спроса оказалась внутри моей головы.

– П'нятненько, – ответил Первый, пытаясь скопировать Мистера Маки^{4*}, что абсолютно не сочеталось с этим его дребезжанием в голосе, которое, возможно, только я и мог заметить. – Ну так чего? Предлагаю на нашем месте. Я успел соскучиться по кухне «Эдипа». Когда ты там сможешь быть? Давай, как мы любим, засядем на всю ночь! Отметим, как надо! – он давал понять, что отказ не принимается и будет со скандалом раскритикован.

– Взрыва еще не было, Первый. Не рано ли отмечать?

– Это формальности. Через два дня и шестнадцать часов произойдет то, что должно произойти. Это неизбежно.

Мы увидимся послезавтра ночью. Было оговорено точное время. Колющая насквозь боль принялась донимать душу. В сердце будто плеснули кислотой. Страшное понимание поселилось во мне. Такое страшное, что даже то, что я услышал от Первого и Нулевого в подводной лодке, казалось теперь неважным. Звонок Первого объяснил все от и до.

Если бы поезд доставил меня в место назначения, я был бы убит. Но киллеры Организации – среди которых, вероятно, был и Первый – не обнаружили меня среди прибывших пассажиров. И этот звонок был нужен для того, чтобы понять, куда я направляюсь. Ведь отследив меня по смартфону, Организация увидела, что я нахожусь в лесу. Также этот звонок помогал направить меня по определенному маршруту, в точку, где меня ждала смерть. Первый заманивает меня в смертельную ловушку.

Меня приговорили за проваленное задание на подводной лодке. Организация не простила эту оплошность одному из тройки лучших и, возможно, самому преданному своему агенту. Стая, с которой я себя олицетворял, изгнала меня, решила уничтожить. Теперь были

понятны странные лица Нулевого и Первого во время прощания, а также нервическое поведение Первого в последние пол года нашего общения.

Но я не мог поверить, что приговоривший меня вместе с остальными друг не сообразил, что его звонок выдаст все планы Организации, просигнализирует мне о наличии смертельной опасности. Я не мог в это поверить, но еще больше мне не верилось в то, что Первый пытается меня убить, заманивает. Но этот факт нельзя было стереть. Последние полгода он желал избавиться от меня так же сильно, как боялся потерять.

Я не переходил уже на бег. Усталость весом в несколько центнеров взвалилась мне на плечи, когда удалось прийти в себя от первой волны потрясения. Ресурсы организма были на исходе. Лес светлел, уже можно было различать полосы деревьев. Птицы, не репетируя, запели свою песню. Разнообразие звуков росло. Кеды намокли от росы.

Неужели я увидел дорогу, до которой пытался добраться всю ночь?! Да. Это она. Я пошел вдоль обочины, голый, в одной лишь обуви, со своим гаджетом в руке. Вытянул руку, со слабой надеждой, что одна из редко проезжающих машин остановится. Так прошел час и начался второй. Никто не хотел меня подбросить, а многие и надавливали на газ, увидев меня. Тут я вспомнил, что это и не люди, вернее, люди лишь на вид. Это кафиры, и ждать от них помощи – дело бессмысленное. Гнев мой рос вместе с количеством проезжающих мимо машин, в которых были кафиры, безразличные к моей судьбе.

Я бросил свое тело прямо под мчащийся восемнадцатиколесный КамАЗ.

Глава 5

10 часов 2 минуты до взрыва Реактора. День.

Примерно через полчаса я оказался у нужной камеры хранения. Вопросы так и рвались наружу из красивых карих глаз стройной девушки, которая провожала меня к ячейке: она распознала во мне мужчину, переодетого в женщину. Тонкая пачка денег, которую я поместил ей в карман, сопровождая жест просьбой ничему не удивляться, не помогла. После небольшой заминки из-за пластиковой карты-ключа нужная ячейка была открыта. Внутри – чемодан средних размеров, заполненный золотом, платиной, бриллиантами, алмазами, рубинами, изумрудами, перемешанными руками искуснейших ювелиров в различных комбинациях. Имелись даже драгоценности времен средневековья. Мои билеты к АЭС, к Нулевому. Жадничать я не намерен.

Пристально следившая за мной Организация знала, что я покупал очень дорогие ювелирные украшения, но была уверена, что приобретались они в качестве подарков женщинам. То, что я компенсирую таким образом свои увечья, мои работодатели считали вполне логичным. Чем я и воспользовался, чтобы втайне ото всех, даже от Первого, собрать самые дорогие украшения в этом модном кожаном чемодане.

Я покинул камеру хранения и направился на улицу. Мысли об удаче плохо влияли на концентрацию. Впереди – силуэты трех мужчин. Одно из лиц знакомо. Я чуть было не поздоровался с ними. Рука дернулась, будто погрузившись в кипяток, выронила чемодан и вонзилась в сумочку, кисть сжималась, подобно рту рыбы, оказавшейся на суше. Пальцы вцепились в гранату, как челюсти бойцового пса. Менять оружие не было времени.

Те трое за это время тоже успели много чего сделать: вытащили пистолеты и начали в меня целиться. Рука, как катапульта, выстрелила снарядом с гранатой. Врезалась с неприятным хрустом в голову одного из трех. Лобная кость проломлена. На асфальт стекал труп. Минус один.

Остальные двое, завидев то, что упало рядом с ними, разбежались и залегли. Я побежал к ним, прямо на гранату с выдернутой чекой. Вонзил в голову обоим по пуле. На асфальте сверкнуло что-то. Выстрел, предназначавшийся мне. «Навесил» гранату ногой в изящной туфельке

на шпильке, как футболист – мяч. Целился туда, откуда был сделан выстрел – «гол»! Граната взорвалась рядом со стрелком.

Я улыбнулся. Глубоко вздохнул. Еще раз. Свобода! Сладчайшее, давно забытое чувство. Организация бросила уйму сил, чтобы убить Второго, и шансов выжить почти нет. Но сейчас ничто и никто не помешает мне насладиться боем. Боем не с тем, кого меня посылал убить хозяин, а с самим хозяином. Теперь не нужно избавляться от тел, которые коченели настолько быстро, что иногда их приходилось ломать на части, чтобы уместить в яме или багажнике. Не нужно пилить трупы, растворять в кислоте и топить в глубоких водоемах, чтобы скрыть следы. Не нужно сбрасывать или прятать оружие и прочие улики. Полная свобода! Можно забрасывать этот немало значащий для меня городок трупами членов Организации, не заботясь ни о чем, полностью отдавшись процессу умерщвления. Гигантская волна подбросила, захлестнула, унесла, растворила. Энергия, что копилась внутри, сжимаясь до точки сингулярности, просочилась, выстрелила мощным фонтаном.

Короткие, обрывочные крики, шаги. Насчитал восемь пар ног. Я подбежал к той самой кареглазой девушке. Теперь ее глаза были скорее черными, из-за зрачка, расширившегося от ужаса. Я попытался улыбнуться ей как можно приветливее, но все напрасно. Казалось, сознание вот-вот сбежит от нее, и она прильнет к полу всем телом.

– Послушай, мне тут нужно по делам отбежать. Ты мои вещи пока положи у себя, лучше обратно, в ту самую камеру. А я на обратном пути заберу. – Я протянул ей обеими руками чемодан. На нем стояли изящные туфельки, из которых, как два хвоста, торчали высокие каблуки.

Я смахнул предохранители с обоих пистолетов-пулеметов. Не стал дожидаться врагов, побежал им навстречу. Выбежал к парковым посадкам. Выбрав удачную позицию, спустил крючки. В руках задрожали, шумя и нагреваясь, две стальные машины смерти. Когда дула отплевались, половина отряда Организации упала на землю и застыла. Их и впрямь было восемь. Я ушел в укрытие, как бы предоставляя им ход. По зданиям, которые укрывали меня, мощной струей забарабанил свинец.

Я решил «поиграть» с ними и побежал на соседнюю улицу. Разбегающиеся прохожие видели, как нарядная, но босая девушка куда-то торопится, сжимая в обеих руках оружие. Вслед ей летели эскадрильи пуль. Я скрылся, а потом обозначил свое местоположение выстрелами, на звуки которых и побежали четверо выживших. За это время я успел зайти им за спины. Убил лишь одного и еще одного ранил в шею. Остальные два, удивив феноменальной реакцией, уклонились от выстрелов. Я снова убегал.

На одном из домов песочного цвета аварийная лестница. Со скоростью света я забрался с помощью нее на крышу. Только бы оставшимся трем не пришлось в голову посмотреть наверх! Пришлось их ждать. Пока ждал, вставил «свежие» обоймы. Вот и они. Тщательно прицелился и спустил курки. Еще один мертвец. Жертва моей правой руки. А вот левая подвела: рана кольнула.

На крышу прилетела граната. Не хватит времени, чтобы добежать до нее и сбросить вниз. Пришлось перемахнуть на дерево и быстро, нанося себе новые увечья, спуститься по нему. Спуск завершился едва не раньше взрыва. Когда надоело просто так ходить, сосредоточенно тыкая стволами в пустоту, я снова обозначил свое местоположение выстрелами. Теперь тот, кто бросал гранату, где-то рядом. Я принялся бесшумно оббегать дом. Раненый в шею уже не отстреливался.

Мы долго ловили друг друга. Я поймал первым. Первая пуля попала противнику в руку, с помощью которой он стрелял. Теперь можно подкрадываться смелее: противник поглощен болью и деморализован, его внимание принадлежит мне. Поединок закончился выстрелом в затылок. Пришло время проверить оставшегося, который мог быть еще жив.

– На что ты затеял это приключение? – спросил последний из восьми и назвал меня по имени. Я тоже знал его имя. И узнал в лицо. Очень опытный, но не очень талантливый боец, уже в возрасте. – Неужели, новую правду обрел? Расскажешь может? У меня еще есть примерно полчаса.

– Ну а ты самто не думал, что все как-то не так? – спросил я. – Ведь мы даже не знаем, кем являются магистры Организации?

Умиравший закашлялся, а когда закончил, поместил руку за пазуху. Достал гранату и выдернул чеку. Отжать скобу ему помешали мои пальцы. Мы держали одну гранату двумя правыми кистями. Пыль, подсвеченная небесным прожектором, сыпалась на нас по диагонали, танцуя.

– А мне уже давно чихать, кто мой хозяин. Или ты думаешь, что после того, как нашу родину превратили в тлеющий прах, я верю в неколебимую священную судьбоносность ига? Нет-нет, что ты! Мы как были маленькими, слабыми и злыми в окружении больших, сильных и добрых, так ими и остались. Мы просто не перестаем пускать свои коготки, огрызаться, получая в ответ лишь снисходительные, полные ненависти и отвращения, смешки. Мы крошечные по сравнению с остальной цивилизацией.

– Вот именно! Отчуждение. Но мы же сами с самого начала олицетворяли себя, как нечто маленькое среди чего-то большого. Наша цель была поглотить это большое. И мы получили предсказуемую реакцию.

– Сильные всегда правы, ты это знаешь, – Речь его «поплыла». Кисть переставала ему подчиняться.

– А может, переставим местами? Силен тот, кто прав? Как ни крути, те, кого мы называли врагами, несмотря на все ошибки, сохранили цивилизацию. Наша же попытка была похожа на акт спиритизма, проделанного дилетантами. Мы хотели воскресить то, что стало прахом еще в средневековье. Быть может, некоторые модели отживают свое и должны спокойно, без истерик, занимать свое место на «полке истории»? И ига в современном мире, это не более, чем антиквариат? Человечество наделает еще немало ошибок, но ига среди них не будет.

– Зачем ты говоришь мне все это? Мне плевать. Лучше расскажи, что тебя так поменяло?

– Это слишком длинная история, ты не доживешь до окончания рассказа. Тем более я слышу шаги твоих друзей. Сколько их?

– Двадцать.

– По твоей рации я буду их слышать?

– Да.

Я забрал у него рацию, вставил наушник в ухо. Забрал те боеприпасы, что подходили для моих пистолетов-пулеметов. Не разжимая кисти, снял с него бронежилет и надел на себя, прямо поверх платья, сбив парик, похожий на водопад светло-пшеничного цвета. Поправил его, даже не подумав о том, что вся польза от него растаяла. Переодеться не успеть!

– Наверное, все это я говорю, прежде всего, себе. Так, ладно. Как Леону^{5*} тебе сдохнуть не удалось, но если хочешь, гранату я оставляю.

– Спасибо. Второй, вот-вот я умру. Мы с тобой повидали немало умирающих. И ты не хуже меня знаешь, как серьезно относятся люди к своим последним словам. Ты всегда был мне симпатичен, –рука его начала костенеть, хотя он еще был жив. – Не спрашивай как, но я догадался, что ты хочешь пойти к Нулевому. Прошу тебя не делать этого. Запри тебя, безоружного, в клетке с голодными тиграми, у тебя и то было бы больше шансов выжить. Этот человек не будет милосерден с тобой так, как ты со мной, не оставит тебе гранату. Нулевой сделает так, что смерть станет твоей мечтой. Ты прочувствуешь, как никто, всю разницу между «умереть» и «умирать». Ты провел с Нулевым гораздо больше времени, чем я, но никогда, никогда ты не смотрел на этого агента трезво. Все свои знания о муках он... он... прим... применит на тебе.

Я разжал руку и побежал туда, где собрались новые убийцы. Когда они оказались на месте, то из пятна тени с другой стороны дома раздались мои прицельные выстрелы. И вот их семнадцать, «рассыпавшихся» кто куда. Взорвалась граната. Игра продолжилась.

Я не сдержал любопытство. Вращая взглядом вместе со стволами, осторожно добежал до трех трупов с бордовыми отверстиями в головах. Забрал еще несколько обойм для своих МР5, а также с радостным удивлением обнаружил сбрую с метательными ножами и снайперскую винтовку Barrett M82, прозванную Легкой Пятилеткой. Все трофеи забрал с собой, повесил винтовку за спину, хоть она и делала меня менее подвижным.

Я подложил под трупы гранаты, найденные у них при обыске. Их тела придавливали скобы, и я дергал за кольца. Со снайперской винтовкой ворвался в подъезд ближайшего дома, по пути метнув в горло одного из бойцов Организации нож. Снес выстрелом замок на чердаке. Подошвы прильнули к шершавому рубероиду. Крыша. Перевел дух. Осмотрелся через оптический прицел.

Сердце учащенно забилося: на соседних крышах – готовые к стрельбе снайперы. Я был на крыше девятиэтажного дома, они – пятиэтажек. В перекрестном кружке оптического прицела появились трое живых, которые подошли к трем убитым, придавливающим телами скобы гранат. Первым делом я прицелился в того снайпера, который тоже мог их увидеть в свой «одноглазый бинокль». Как только взрыв прогремит, убью его и только потом примусь добивать пострадавших от взрыва, иначе он обнаружит меня и убьет первым.

Взрыв! Словно многотонный валун упал на асфальт с неба. В нем растворился мой выстрел. Снайпер замертво свесил голову и руки через парапет, будто пытаясь дотянуться до земли. Я дернул винтовкой. Один круглый кусок мира вместо другого. Вся надежда на правый глаз. Взрыв не оправдал моих надежд: один, вместо руки у которого был теперь лишь обрубок с красными капаящими лохмотьями, пытался встать, двое других, контуженные, стояли, пытаясь призвать тела к послушанию. Один из них устранен привычным выстрелом в голову. Он упал, да так удачно, что взорвалась вторая граната. Третий отлетел, но все-таки выжил. Я начал прицеливаться, чтобы добить обоих, представляя, как второй снайпер бежит к позиции, с которой сможет поймать меня в прицел. Сделав два выстрела, я ретировался. Обежал небольшое подсобное помещение, нарощее над крышей дома.

Со всей осторожностью я высовывал узкую морду снайперской винтовки из-за угла. Выстрел, раздавшийся с «вражеской» крыши, обдал меня фейерверком из кусочков кирпича и рыхлого цемента. В уши проник звук вертолетных лопастей, кромсающих воздух. Прицелился в снайпера и тоже промазал, ведь целиться не было времени. Сменил позицию. Его новый выстрел был направлен в прежнее место. Тогда я смело выбежал и выстрелил прямо из положения стоя. Забрал еще одну жизнь. «Жирный» вертолет уже был виден вдалеке. Его рокот смешался с воем полицейских сирен.

Пять человек неслись в подъезд, крича: «Скорее, он здесь!» Я посмотрел на вертолет в прицел. Он расшвыривал по крышам снайперов, как кукурузник семена. В его нутре было не менее пятидесяти бойцов. Уходить пришлось тем же путем, каким я попал сюда: другого нет. По лестничной клетке поднимались мне навстречу убийцы. На седьмом этаже я обнаружил деревянную дверь. Выбил ее...

И попал в совсем другой мир. На мгновения я перестал думать о пяти киллерах, которые, подгоняемые тщеславием, бегут по лестнице, чтобы убить легендарного убийцу – Второго. Память будто съела само слово «убить». «Насилие», «страдание» и все подобные понятия, которые подобно локомотивам с вагонами, переполненными ракшасами, тащат за собой тонны страшных смыслов и явлений, исчезли. Осталась лишь молодая женщина, готовившая ужин на кухне. Молодой мужчина, который читал и с размещившейся на лице полуулыбкой гладил любящим взглядом маленького сына, играющего в конструктор. Кот, сосредоточивший все внимание на своих гениталиях и проводивший по ним шершавым языком. Всегда мечтал

завести кота, но никогда не имел дома, где мог бы о нем заботиться. За ноздри ухватился запах вкусной еды. Хотелось хотя бы одну лишнюю секунду провести в «Этом Мире», чуждом мне, но столь желанном. Но я покинул его. Заставил себя. Хотя куда приятнее было погибнуть там, в этом оазисе, так и не вернувшись в свой мир, воняющий кровью и трупным разложением. Но вместе со мной погибнет последний шанс остановить взрыв Реактора.

Я оказался на балконе и начал слезать вниз, на другой балкон. Заметил, что внизу меня ждут. Вот только тот, кто ждал, не догадывался, что дождался. Когда я повис между пятым и шестым этажом и уже приготовился к прыжку, мною овладело сомнение. Лучше расслабить кисти, устремиться вниз и не мешать этому человеку с автоматом в руках выполнять свою работу. Или нет? Я призвал рассудок к послушанию. А вот призвать к нему тело не выходило. Федор! Вернулся и снова хочет себя убить. А заодно и меня, ведь у нас одно на двоих тело. Но пока он только пытается «свергнуть» меня. Моя воля в очередной раз вступила в жестокий поединок с волей Федора. Все мог исправить укол уже наполненного шприца, который я взял с собой. Он обездвижит меня и сделает немым на пару часов, спасет от Федора. Но пока не было возможности проделать спасительную процедуру.

Я услышал не так далеко от себя звуки ожесточенной перестрелки: Организация вступила в бой с полицией. Вертолет давно высадил десант. Нужно убираться из этого пекла. В тихое место, где можно спокойно сделать инъекцию...

Но для начала нужно «обрести целостность» и прыгнуть. Федор агитировал наш мозг к сомнению и нанес сокрушительный удар по моей воле, когда я «летел» на балкон этажом ниже. Приземлившись, замер. По мне открыли огонь. Только стреляли по балкону на шестом этаже, а не на пятом. Когда стрелявший перезаряжал оружие, я перевалился через перила и расстрелял его. Спустился еще на два этажа по балконам и прыгнул. Как только оказался на земле, побежал.

Я бежал. Бежал быстро. Бежал от своих врагов, запрограммированных на убийство. Не многие смогли бы догнать меня и тем более обогнать. А вот пуля, потом еще одна, и еще, и еще, и еще одна, эти пули легко разматывали расстояние между нами. Пули отправлял в полет мой палец. Они «бились лбами» в твердую прозрачность, раскалывая ее на сотни кусков произвольных размеров и форм. Пули, выпущенные позднее, успевали раздробить острые стеклянные пазлы на более мелкие.

Еще одна пуля высунула морду и ринулась в другую сторону. Пропорола человеческую кожу и свиную (из нее была сшита куртка), хозяин которых посмел шлепнуть меня по ягодицам, едва я закончил стрельбу и бросил оружие в сумочку. Он не имел никакого отношения к Организации, но наказать его за такое поведение было необходимо. Не хотелось думать о том, что особи мужского пола понравился мой зад, обтянутый платьем.

Я окружил себя стенами. Стенами той самой квартиры, окно которой я уничтожил, дав сквозняку возможность поселиться здесь. Я запрыгнул в разбитое выстрелами окно на первом этаже, сделав мощный рывок, перебирая ногами в полете, будто отталкиваясь прямо от воздуха.

В квартире лишь один человек. Не нужно долго вглядываться, чтобы понять, что его баклажанно-желтое лицо глодают цирроз и алкоголизм. В его руке горлышко бутылки из-под водки. Горлышко – все, что у него осталось. Остальное тело бутылки разлеглось на полу, развалившись на части, смешавшись со своими собратьями – кусками оконного стекла. Мои пули будто объявили геноцид всему стеклянному. Кажется, испуг жителя этой квартиры был вызван не выстрелами, а отсутствием алкоголя, который всего секунду назад был при нем. Самое время рассказать ему о знамении, после которого он просто обязан начать новую, трезвую жизнь, но было некогда: мои пули уже разрывали новое стекло. Не уверен, что алкоголик успел заметить пробежавшую по его квартире блондинку в красном платье. Когда я вылетел с другой стороны дома, мне выстрелили в сердце.

Уже второй раз за несколько минут я без спроса врвался в чью-то интимность, отделенную от всего остального условностями в виде бетонных стен. Ощущение такое, будто забираешься в чью-то голову и успеваешь прочесть несколько мыслей.

Бронежилет отогнал от меня смерть. Перестрелка продолжилась. Что только я не использовал в качестве укрытия, как только не кривлялся, чтобы не столкнуться с пулей. Удалось впасть в некий транс, знакомый только воинам. Весь мир будто притих и погас, лишь места, откуда стартовали пули, были тогда полностью реальными. Эти смертоносные очаги гасли и затихали. А я выживал. Они гасли, я выживал, убив уже девять человек после того, как покинул квартиру алкоголика. Где же проклятый канализационный люк?! Хотя какой-нибудь!

Вот же он! В спину врезалась еще одна пуля. Я упал. Долго возился, лежа, выманивая стрелявшего. Он умер, а затем еще один. Не без труда удалось отодвинуть крышку люка, а потом поставить ее на место, когда я уже был внутри этой круглой дыры. После этого я утратил контроль над телом.

Глава 6

2 дня 14 часов 43 минуты до взрыва Реактора. Раннее утро.

Утро только карабкалось, но продвинулось весьма. Птица издала высокие звуки, неуверенно призывая к пению остальных. Спустя время ей ответило другое крылатое создание звуком, напоминающим человеческий стон. Затем к ним присоединился ворон со своим знакомым кряканьем.

Синий минивэн ехал по дороге на небольшой скорости, так как входил в поворот. Впереди сидели молодые мужчина и женщина. Сзади, на детском сиденье, девочка лет четырех. Кафиры, конечно же. Лица их были довольные, хоть и сонные. Ребенок спал.

Эту своего рода семейную идиллию нарушил бросившийся им под колеса человек. Мужчина, сидевший за рулем, затормозил. В этот глагол можно вставить сразу два смысла, учитывая, что водитель продемонстрировал не самую быструю реакцию. Хотя могло быть и хуже.

Все трое услышали удар живого тела о металл. Минивэн замер, разрисовав асфальт черными полосами. Мужчина и женщина выбежали почти одновременно. Увидели сначала мое голое тело в одной лишь обуви, а затем уродливое лицо. Испуганно качнулись. Кожа их начала белеть, как разбитое яйцо на раскаленной сковородке, и порозовела лишь тогда, когда они увидели, что сбитый ими человек самостоятельно встал на ноги. Я лишь разыгрывал боль, не давая им окончательно выбраться из ступора.

Мой взгляд бросился на проснувшуюся девочку, из-за чего испуг в глазах ее родителей снова возрос. Я подбежал к минивэну и открыл заднюю дверь, объясняя это тем, что мне необходима аптечка. Обратил внимание на бумеранг, лежащий у заднего стекла, и на девочку. Та протирала бусины своих глаз маленькими розовыми ручками. По мере того, как мы смотрели друг на друга, из ее крошечного рта складывалась наивная улыбка. Я не мог относиться слишком плохо к кафирам такого возраста. Ее мать и отец – кто же еще это мог быть?! – суетились за моей спиной.

– Привет, я Ева, а ты как называешься?

Моя рука молниеносно шмыгнула в щель между двумя половинами заднего сиденья.

– Второй, – ответил я, повесив перед этим легкую паузу.

– Ну и урод ты, Второй!

– Я знаю, Ева. Ты очень честная девочка, так держать. Желаю тебе хорошего дня, Ева, и прощаюсь с тобой.

– До свидания, Второй. А куда ты идешь?

– Я не знаю.

– А ты можешь узнать? А когда мы встретимся, ты мне расскажешь?

– Обещаю, Ева.

Молодая мать смотрела на меня, ее лоб пошел буграми, а оба глаза устремились к носу. Да, она боялась. Меня, похоже, даже искренне переживала за мое здоровье. Но это точно были не все эмоции, нарисованные на ее лице. Я пытался самостоятельно догадаться, в чем дело, но понял, что без подсказки ничего не выйдет.

– Что?

– Вас весь город ищет... точнее, вся по... полиция... и не только в нашем го... городе... – не требовалось дополнительных сведений. Все было понятно. Организация дотянулась до полиции, и та сразу начала меня искать. Теперь добраться до Первого и убить его будет сложнее.

Семейство уехало. Все, кроме Евы, которой, видимо, пришлось по душе новое знакомство, были напуганы и сбиты с толку. Когда они скрылись за поворотом, то увидели КамАЗ с фурой. Наверняка они без интереса посмотрели на него, быть может, бросили взгляд в зеркало заднего вида, чтобы взглянуть еще раз. И отвлеклись разговорами, снова погрузились в свое семейное размягчающее счастье, о котором я ничего не знал.

Но едва ли они сумели бы так быстро расслабиться, если бы знали, что рядом с КамАЗом, метрах в семи, лежит свежий труп, наспех присыпанный землей. Еще больше семейка помрачнела бы, обнаружив в своей машине странный смартфон, который мне выдали однажды. Чем дальше они уедут, тем в большей безопасности я окажусь. Для этого и пришлось разыграть этот спектакль. Когда Организация выследит меня по этому смартфону, то обнаружит лишь эту семью и их минивэн.

Я вспоминал об этой семейке, сидя за рулем того самого КамАЗа, который чудом не испачкал колеса кусками моего тела. Руки сжимали сильно потертый руль, полуметровый в диаметре. Управлять автомобилем с такими габаритами было непривычно, но я был обучен управлению любым наземным видом транспорта, даже некоторым легким танкам. Из кабины были видны крыши едущих навстречу автомобилей, с которыми мы на миг встречались на отрезке дороги с тем, чтобы уже в следующий миг начать разрывать расстояние, двигаясь в противоположных направлениях. А вот обогнать меня пока никому не удалось, с тех самых пор, как я стал бесправным владельцем этого грузовика.

Кабина стремительно пожирала ухабистую, всю в волдырях, полосу асфальта. В окна, слева и справа, был виден лес, из которого наконец-то удалось выбраться. Лысые деревья походили на цепочку нейронов, будто я совершал объезд-осмотр сложной мысли безумного гения, находясь внутри его головы. Грязно-белое небо подсвечивалось солнцем, щекоча глаза и мешая наблюдать за дорогой.

Я отправился в путь, как только завладел этим средством передвижения. Хотя нет, одна заминка была: любопытство заставило заглянуть в кузов этой длинной квадратной кишки. Я сорвал с фуры пломбы и раскрыл дверцы. Еще до того, как хлынувший в кузов свет перелился через край, ноздри ущипнула огушительная вонь, и раздалась какофония хрюканий. Дальнобойщик, чьим грузовиком я завладел, вез свиней!

– Эй, хрюшки, бегите, бегите! Ступайте на волю! Вы теперь свободны! – говорил я, ломая деревянные вольеры и выбрасывая из кузова эти перепуганные тельца, измазанные в собственных экскрементах, с налипшей на них соломой. Я чувствовал себя освободителем, избавителем, но потом мой восторг омрачила мысль, что скот, который люди выращивают себе в пищу, не пригоден для жизни в дикой природе. Тем более, интересно, где это я видел свиней, живших в лесу? Поэтому, если уж я и помог каким-то животным, то только лесным хищникам. Хотя не знаю, быть может, за них заступятся кабаны...

Сев за руль и проехав немного, я увидел мост. Оценив наметанным глазом глубину реки, через которую он был проложен, я проделал трюк: спровоцировал занос таким образом, что кузов занесло, он пробил несколько перил и в этот момент был отцеплен. Вода поглотила его, как несколько часов назад меня, с той лишь разницей, что он так и останется на дне. Феерич-

ное зрелище. Я успел увидеть фейерверк брызг. Этот маневр стоил жизни семье, автомобиль которой врезался в кабину КамАЗа, оказавшегося на встречной полосе, но дело того стоило.

У меня раздвоение личности. Теперь я точно понял, что со мной происходит. Это похоже на ситуацию в том дурацком хатрлендском сериале: я был Сашей Зайцевым, а потом в теле меня потеснил Федор^{6*}. Только «мой» Федор не приходит с резким звуком или ударом, а, наоборот, уходит. Является он на запах моего гнева. А может, и просто, когда захочет, это еще предстояло выяснить. Как только этот Федор обретает контроль над моим телом, он сразу предпринимает попытки себя убить. Я догадывался об этом еще после того, как столь странным образом покинул поезд, но когда этот ублюдок, вытеснив меня, бросился под этот самый КамАЗ, все стало ясно окончательно.

Удивительно, как мне везло в этих случаях. С везением у меня всегда был острый конфликт. Это касалось всего, кроме выживания, будто мое везение все без остатка сконцентрировалось только на нем. Вот, например, в детстве оба родителя избивали меня за малейшую провинность. Особенно когда выяснялось, что в школе меня унижали, называя уродцем и более обидными словами. А такое происходило почти каждый день, кроме субботы и воскресенья. Наверное, поэтому я так люблю календарные выходные дни. В школе же меня били за врожденные увечья.

Хорошо хоть, что стал известен способ, как избавить свою материальную оболочку от этого треклятого суицидника. Громкие резкие звуки были не единственными моими союзниками. Если случалось нечто шокирующее, он также трусливо сбегал. В прошлый раз я избавился от него, когда он прыгнул с моста в ледяную воду.

В этот раз власть над телом мне вернул звук мощного гудка, смешанный с омерзительным, разрывающим перепонки свистом переставших вращаться передних колес. Они намазывали резину на асфальт. Ровная черная полоса с узором протектора расплзалась, пока машина не замерла. Теплое машинное масло капало прямо в рот. Затем меня грубо извлекли из-под грузовика, и огромный ботинок два раза врезался в голову. Этот дальнбойщик тоже хорош, конечно. Нет, чтобы узнать сначала, цел ли я, так он сразу начал драться.

– Ты знаешь, сколько лет мне бы дали, – говорил он, нанося первый удар, – если бы ты сдох?! – слышал я, получая второй.

Удары были внушительными, так как их источник был весом далеко за центнер. Не жирный, а скорее плотный. У нас были явно разные размеры одежды, и теперь его засаленные, пахнущие уксусом вещи свисали с меня, будто я наспех сшил костюм из плащ-палатки. Но и это было лучше, чем нагота. Его гневные причитания, сопровождаемые ударами мощных мясистых ног, привлекли мое внимание и вызвали интерес. Поэтому перед тем, как убить его, я решил выслушать эту истерику до конца. У нас было что-то общее. Схожие душевные травмы, если угодно.

– Я только год, как из тюрьмы вышел! – говорил он, продолжая пинать меня ногами, облаченными в запыленные, некогда черные берцы. Я лишь катался по земле, лишая его удары силы. – Ты знаешь, сколько я искал эту работу?! – его риторический вопрос сопровождался двумя новыми ударами. – Ты знаешь, как я устал от косых взглядов?! Все только и шептались у меня за спиной, какое я чудовище! Уходили с кривыми рожами оттуда, где я появлялся! – один удар ему все же удался, но это не ослабило моего внимания к его рассказу.

Да, я хорошо его понимал. И под стук его ног о мое тело почему-то окунулся в собственные воспоминания. Школьные годы. Двое юношей, давно избравших меня объектом для унижений и избиений, стоят передо мной. Оба выше и шире меня. Сцена разворачивается на уроке труда, вокруг тяжелые, прикрученные к полу стальные парты, верстаки и прочее оборудование. У одного из них в глазах застрял страх, а в печени крестовая отвертка. Скользкую от горячей крови рукоятку этой отвертки сжимает моя кисть. Второй – парализован испугом.

Я в шоке от того, что произошло. Я не собирался этого делать, это вышло само собой. Но мне не страшно. Мне любопытно. Так началась наша дружба со страхом. И со смертью. Только тогда, малолетний идиот, я понял их практическую пользу, начал познавать их природу.

Юноша с новорожденной дыркой в печени смотрит на меня. Смотрит тем самым взглядом, каким не один год я смотрел на них. Когда я это понимаю, восторг нового озарения легким электрическим разрядом быстро прогуливается по всему телу. Надавливаю на рукоятку отвертки, используя ее как рычаг. Лицо того, кто ни один год мучил меня, искажается, становится неприятным и жалким, кожа бледнеет, глазные яблоки стремятся из орбит, словно мячики, перекормленные насосом. Рот трескается, губы отдаляются одна от другой и начинают дребезжать. Какое-то время я продолжаю увлеченно двигать рукояткой отвертки, увеча его внутренности. Потом он падает.

Озаренный новым открытием, разворачиваю взгляд на второго. Тот отступает, так же, как раньше отступал я, загоняемый ими в такое количество углов, которому позавидовал бы любой многоугольник. Ноги его шаркают, став тяжелее в сотню раз – сопротивляться он не в состоянии. Я решаю опробовать новое место и бью в район сердца. Отвертка «рикошетит» от ребра. Тогда мой бывший мучитель садится на корточки и сворачивается в позе зародыша. Но я уже не в силах остановиться. Оглядываю открытые участки на его теле. Выбираю шею. Бью. Еще. И еще, пока жертва не падает, вероятно, уже замертво, на спину. Тогда начинаю бить обоих своих поверженных противников. Живот. Ноги. Уже не вижу куда. Какие-то из ударов увечат мои собственные пальцы, когда отвертка входит слишком глубоко, и они касаются костей выпотрошенных трупов.

Затем поворачиваюсь к остальным одноклассникам. Они вжались в стену и, похоже, больше всего на свете желают пройти сквозь нее. Я вскакиваю на одну из парт, прямо с отверткой в руке, контуры которой лишь угадываются из-за кишок и крови, оставшихся на ней. И начинаю кричать, увеча голосовые связки, пока они не выходят из строя. Очередной удар дальнобойщика вернул меня в настоящее. Из его рта продолжали сыпаться гневные реплики.

– Ты знаешь, сколько бы мне светило за такое, ведь я уже сидел! Я бы не доказал никому, что ты сам кинулся под колеса! Я только начал нормальную жизнь! Представляешь, у меня это получилось, люди хоть как-то начали меня принимать!!

Родственная душа. Но меня люди так принимать и не начали. В психиатрической лечебнице я пролежал примерно полгода. Тюремного заключения удалось избежать. Помогло несовершеннолетие и количество ударов, нанесенных отверткой.

Но, когда я вернулся в общество, то «отведал новый сорт отчуждения». И, надо сказать, оно оказалось мучительнее предыдущего: «отчуждение на юридической основе». Меня не брали на работу, не говорю уже о поступлении в ВУЗ. У меня не было девушки, даже не все проститутки соглашались со мной спать. Родители к тому времени фактически от меня отказались. В густонаселенном городе я был абсолютно одинок, пока граждане непризнанного государства нигилистов не раскрыли мне свои дружеские объятия.

Помню, как самолет поднял свой нос и устремился вперед и вверх, навсегда избавляя меня от ненавистного статуса кафира. Потом эта продолговатая крылатая труба, которая оканчивалась тупым неровным конусом, с двумя круглыми двигателями по бокам, приземлилась уже на территории государства нигилистов. И, если так можно выразиться, я сменил гражданство. И что-то еще. Я прибыл на новую родину, как раз когда государство нигилистов переживало счастливую пору успешной экспансии. Нулевой и Первый, еще известные под обычными именами, встречали меня и остальных «новобранцев». Нам предстояло стать неразлучной троицей, тремя лучшими агентами Организации: проводимая экспансия позволила мне быстро проявить свой талант в убийстве кафиров и стать Вторым. Так я впервые за всю жизнь был принят людьми, стал, как мне казалось, желанным и полноправным членом социума.

Водитель фуры снова вернул меня к реальности. Такую шею, как у него, было нелегко ломать, но, конечно же, я справился. Только сначала сломал ему ногу в двух местах. Ту, которой он меня бил.

Теперь я снова остался один. Организация вынесла мне смертный приговор после того, как я провалил всего одну операцию. Разве что очень и очень важную операцию, важную настолько, что если бы не провал, то нам не пришлось бы минировать АЭС. Ошибок Организация не прощала. Теперь я ощутил это на себе. Осознание этого факта придавило меня многотонным прессом отчаяния. Ведь я член семьи! Нельзя убивать членов семьи! Было бы не так обидно, реши Организация избавиться от всех, принимающих участие в операции на подводной лодке. Тогда бы у меня оставался друг в лице Первого, и я сделал бы все, чтобы спасти его. Но нет, Первый заманивал меня прямо на гильотину.

Да, если бы мой поезд доехал до станции, на которой я должен был выйти согласно билету, то, сойдя на платформу, прожил бы недолго. Главным курьезом было то, что Федор, который решил погубить нас, спрыгнув с поезда, невольно спас и себя, и меня.

Я разогнал грузовик до предельной скорости. Впереди был полицейский пикет. Два человека в форме отвлеклись разговором, рассматривая дорогу у себя под ногами, и даже не заметили моего приближения. Они находились рядом с двумя бело-синими машинами. В отдалении замер черный Volkswagen Passat, каждая новая модификация которого все больше придавала ему сходство с небольшим средством для космических путешествий. Его водитель, похоже, серьезно нарушил правила дорожного движения. Еще один «носитель погон» только что нырнул в салон служебной машины. Четвертый приготовился взмахнуть передо мной черно-белой палочкой.

Я знал, что произойдет, если остановлюсь. Я не был нужен Организации, как пленник или как источник информации: только как труп, если так можно выразиться. И не было принципиальной разницы в том, кто и как меня убьет. Главное, чтобы это произошло как можно скорее. Сотрудники всех силовых ведомств этого маленького города видели в моей донельзя узнаваемой внешности маньяка или террориста – здесь и возразить было нечего – в зависимости от того, какой сценарий выбрала Организация. Как только меня остановят, меня узнают, а узнав, убьют, как бешеное животное. Поэтому я и не думал останавливаться. Мне нужен был только «страйк». Я готовился к тарану.

Глава 7

8 часов 15 минут до взрыва Реактора. День.

Снова пробуждение. Сознание вернулось, но как будто растеряв по дороге часть способностей: я не мог заставить себя двигаться. Каким-то образом все-таки удалось вколоть себе в шею дрянь, что спасла меня. Укол вызвал временный паралич тела, не дав Федору доступа к нему. Федор закрыл мне доступ к памяти, а я в ответ закрыл ему доступ к управлению телом – месть во спасение.

Вещество, получившее временный приют в моей крови, активно использовалось, когда наше иго было «на пике развития». Плененным кафирам делались инъекции, они лишались сознания, и мы сдирали с них кожу. Когда те приходили в себя, то не могли двигаться и даже кричать. Вместо этого из онемевших, перекошенных ртов исторгались ни на что не похожие звуки. Сейчас я издавал как раз такие звуки, натуживая обмякшие голосовые связки, и тоже не мог шевелиться.

Вонь взяла в тиски мои ноздри. Все вокруг кутала сырость. Капли и струи шумели повсюду. Коричневая крыса размером с кота грызла руку моего бывшего коллеги. Убить его было необходимо: он был единственным свидетелем моего проникновения под землю через канализационный люк. Я успел сделать выстрел в лицо менее чем за секунду до того, как явился Федор.

Меня так и не убили. Организации это не удалось. Федору тоже. Он ушел, пока я был без сознания, на что я и рассчитывал. Не помню, как делал себе укол. Видимо, я, то есть привычная часть меня, была уже вытеснена из разума, когда зажатый в кисти шприц устремился к шее.

Причина для крика была веская: кожу с меня не содрали, зато над моим обездвиженным телом склонились два постоянных обитателя этого места, пытаясь залезть под платье. Даже когда в меня стреляли, не было так страшно...

– Ух ты, какая цыпочка фигуристая! – говорил один из бездомных, трогая меня с похотливым видом. Его черные, с вкраплением серебра волосы, будто вымазанные в сале, похожие на брызговики автомобиля, облизывали меня в районе декольте. Красное платье сползло вместе с бюстгалтером, оголив черные кустарники вокруг сосков. Но они этого не замечали.

– Щас мы ее нормально оприходуем, – обрадовано сказал второй, скрипя своим уже расстегнутым ремнем времен неолита. Я в ответ лишь мычал, выпятив глаза так, что они заболели. Мычал до тех самых пор, пока не услышал истошный вопль.

– Смотри, что у нее там, смотри! Там член!!

– Святые угодники! И правда!!

Они потонули в замешательстве. Я за это время, бросив в бой всю свою волю, отвоевал часть власти над телом. Обездвиженный теперь лишь наполовину, похожий на страдающего церебральным параличом, я поднялся на ноги, чтобы совершить кару.

– Зомби, зомби!!! – завопили бомжи, рассекая пустоту указательными пальцами. Но они не убегали, а лишь прятались друг за друга, трясли тощими ватными ногами и чертили в воздухе кресты. Я размяк: даже не убил их. Лишь сломал кисти, которыми они до меня дотрагивались и чуть больше минуты подержали их головы под водой, щедро разбавленной экскрементами.

Нужно двигаться дальше. Впереди длинный и трудный путь. Положил в Луи Виттон смертоносное содержимое, разбросанное Федором по канализации. Для начала нужно забрать драгоценности. Интересно, какой участок района находится над этим местом? Я явно не бегал в этих населенных смрадом катакомбах долго. Интересно, были ли отозваны люди Организации, столкнувшись с полицией, или мой труп был важнее этого?

Я выбрался на поверхность с помощью первого попавшегося люка. Тело становилось послушнее, ощущалось все лучше, и рана не была исключением. Лексус находился в двух кварталах от меня. Он был необходим, чтобы выбраться отсюда и добраться до аэропорта.

Первый квартал до машины я преодолел без помех. А когда бежал до второго, над ухом неприятно прожужжало. Жужжание слилось со звонким коротким металлическим хлопком: по мне стреляли. Я начал двигаться, как выступающий на сцене мим, уворачиваясь от пуль с невероятной скоростью. Оружие затихло, показав нулевую результативность. Настала моя очередь стрелять.

Враг тоже начал кривляться, с немалым успехом, и когда все патроны вылетели из обоймы, уже схватил меня за кадык. Мощный боец, как по габаритам, так и по физической силе. Пока я думал, что предпринять, его словно чугунная рука оплела мою шею. Я изо всех сил напряг на ней мышцы, пытаясь достать метательные ножи. Но колено, напоминающее средневековый таран, выбило у меня из рук сбрую с ножами вместе со сбросившей вес дамской сумочкой.

Из нее выпал шприц – брат-близнец того, что я вкалывал в шею. Теперь я уповал только на него. Но удастся ли? Рука вокруг шеи активно выдавливала из меня силы, сознание и жизнь. Я начал, как мог, втягивать эти ресурсы обратно в себя для решающего, единственного рывка: на второй – сил точно не хватит. Сделал рывок. Повалить его вместе с собой не вышло. Боец Организации не дал добраться до ножей, но этого и не требовалось. Это был отвлекающий маневр, в результате которого я успел подобрать шприц. Но враг раскусил хитрость, перехватил

мою, все еще не до конца послушную, руку и стал неуклонно повелевать ей, направляя иглу шприца в мой здоровый глаз.

Тогда я резко отклонил голову вправо и выдавил содержимое шприца в глаза гиганту. Тот рефлекторно схватился за них. Времени с запасом хватило на то, чтобы вогнать уже пустой шприц в глаз, который он продолжал тереть.

Пуля оцарапала руку. От стрекочущей очереди я защитился телом только что убитого. На меня гепардом бросилась груда мышц. Жесткий спарринг, учитывая мое ранение и не полностью вернувшуюся подвижность тела, больше походил на простое избиение. На смену одной мощной руке, душившей меня, явилась другая. На ней выделялись две бледно-синие полосы вен, которые окропляла кровь из моего разбитого лица. Шприц каким-то образом оставался в ладони. Я зачерпнул в него воздуха и, истратив остатки сил на движение кистью, на сопротивление каменному телу, воткнул иглу в одну из вен.

Довольно быстро рука начала ослабевать и была отброшена, как страховочное крепление на американских горках. Я побежал к Лексусу, оставляя за спиной громадного человека, рушащегося наземь: попавший в вену животворный кислород сворачивал кровь, забирая у него жизнь. Пробежал мимо мужчины, подбородок которого касался кадыка: только что он наблюдал, как светловолосая женщина в красном платье забрала жизнь у двух амбалов.

Я достиг машины, передвигаясь, как пьяный или парализованный. А где ключи?! Если их нет в Луи Виттоне, то их нет при мне. Я вонзил руку в сумочку и оцарапал пустоту. Нет, их нет. Их нет... Еще одна попытка. Ключи все же нашлись где-то на дне. Я сел в машину и сразу завел мотор.

Был шанс покинуть город незамеченным: тонированные стекла, одного цвета с кузовом Лексуса, не позволяли заглянуть в салон. В то же время именно их непроницаемая чернота была приметна. Прежде чем ехать в аэропорт, нужно вернуться в камеру хранения, от которой обстоятельства в лице Организации и Федора заставили меня удалиться. Необходимо забрать драгоценности, которые я планировал оставить всего на несколько минут, пока не убью врагов. Другого имущества у меня не осталось. Только оно поможет оказаться на борту самолета.

Я незаметно проехал мимо трех слипшихся в маленькой толпе, будто мухи, нашедшие съедобную крошку, стрелков. Через два квартала увидел впереди двоих и тут же ушел в подвернувшийся поворот. Здесь были тлеющие останки трех полицейских машин. Уже четыре квартала удалось проехать незаметно. В одной из маленьких глухих улочек ликвидировал двоих: они жестаами остановили Лексус и начали подходить. Выехал на дорогу, которая стала шире на одну полосу.

Слева появился черный Хаммер. Я незамедлительно открыл стрельбу по тонированным окнам, точно рассчитав расположение вражеских голов. Джип оказался полностью бронированным. Испепеляя асфальт и резину, любезно предоставленный мне автомобиль Отца Кирилла исчез за поворотом, оставляя после себя стеклянную крошку – остатки заднего стекла, уничтоженного пулей.

Лексус и Хаммер начали движение по параллельным улицам. Меня явно намеревались подрезать на повороте: из-за встречного движения я двигался медленнее. Чудом удалось избежать столкновения с несущимся на всей скорости тралом, везущим бульдозер. Также пытаюсь объехать меня, с оглушающим скрежетом он рухнул набок где-то позади, развалившись по всей ширине дороги.

Путь назад был отрезан, но и тыл прикрыт. Через секунду положение изменилось: еще один черный титановый бык понесся на Лексус. Из его окон, будто рога, торчали черные стволы, туго закрепленные в трех парах мощных рук, изрыгающие смертоносную свинцовую материю. Перед лицом неминуемой смерти люди или превращаются в размазну, или проявляют невероятные способности и смекалку, чтобы выжить. Без особых трудов удалось выбрать второе.

Впереди и справа только что припарковался красный Maserati GranCabrio Sport. Человек за рулем этого кабриолета был одет как я. Разница была лишь в том, что он был настоящей женщиной. Кабриолет остановился у бордюра, который повторял форму земляного вала. Из-за этого волдыря посреди асфальта угол бордюра был как бы отсечен, походя на довольно высокий подъем под углом градусов сорок. Мой маневр имел крайне мало шансов на успех.

Я нажал на педаль газа так, будто хотел ее раздавить. Правые колеса проехали по набирающему высоту бордюру на скорости более двухсот километров в час. Когда Лексус перевернулся в воздухе, я открыл дверь, вывалился и упал прямо в кабриолет. Кейс с пальцами и Луи Виттон, крепко зажатые в правой кисти, не дали сгруппироваться. Сильный удар о рычаг коробки передач сбил дыхание. Досада быстро развеялась, когда мое лицо оказалось между коленями водителя кабриолета, глянцевых, будто вырезанных из слоновой кости и выкрашенных в телесный цвет. Под истошные вопли красотки я выправил вылетевшее из сустава плечо. Ногой вытолкнул ее из машины.

Все эти действия точно нельзя было назвать изящными. Зато мой Лексус проделал зрелищный пируэт, будто участвовал в хорошо поставленном каскадерском трюке: изобразив некое подобие «штопора», он со страшной силой влетел в Хаммер, искорежив его бронестекло и пуленепробиваемый корпус. Да простит меня Отец Кирилл.

Мое новое средство передвижения взвизгнуло шинами и ринулось вперед. Радость от успеха удвоилась после того, как Хаммер, преследовавший Лексус по параллельной улице, стал третьей машиной в этом ДТП, почему-то напоминавшем инсталляцию.

Но остаться незаметным удалось недолго: у Мазерати, как назло, не работал складной верх. Сколько я ни жался к рулю, мою перекошенную физиономию все же заметили: в кабриолет прилетел снаряд из RPG-7. По взрыву удалось понять, что гранатомет не хартлендского образца, а заимствованный и переделанный Океанией.

Педаль газа Мазерати и спусковой крючок гранатомета были нажаты одновременно. Взрыв обдал меня и машину ударной волной сзади, но мы уцелели. Не сбавляя скорости, выдавливая все из мощного спортивного автомобиля, я мчался к месту, где оставил чемоданчик с драгоценностями. Уворачиваться от смерти становилось все сложнее: сначала были лишь препятствия из случайных машин, а потом и Организация после короткой заминки снова сосредоточилась на своей мишени.

Левая сторона кабриолета и правая – Хаммера прильнули друг к другу, будто слиплись. Им легко убить меня: они защищены броней, а в моей машине нет даже крыши. Пришлось вытолкнуть врагов на встречную полосу и как можно быстрее уничтожить, прибегнув к услугам разогнавшегося автобуса – лоб в лоб.

Всем сотрудникам Организации в этом городке теперь известно, где я. Черных Хаммеров становилось все больше на пути. Они обгоняли, неслись навстречу, травили несчастный кабриолет, как дрессированные голодные псы. Они явно хотели куда-то меня загнать. Ничего не оставалось, как способствовать их успеху.

Так вот, каков был их план! Мазерати с силой ударился колесами об асфальт. Съехав с небольшого, но крутого холмика, укрытого нестриженным газоном, я оказался на встречной полосе. Убедившись, что сзади догоняют уже надоевшие Хаммеры и выбора нет, я поехал вперед. По обеим сторонам этой дороги была непрерывная крепкая металлическая ограда. Она лишала возможности уйти с трассы. Миновав табличку с перерезанным красной полосой названием города, я понесся по плотно набитой машинами трассе. Мазерати глотало расстояние, удаляясь все дальше как от камер хранения, так и от аэропорта.

Карлос Кастанеда, вслед за своим учителем-нагвалем доном Хуаном Матусом, утверждал, что смерть располагается слева от нас на расстоянии вытянутой руки. В данном же случае смерть, будто создав своих клонов, обступила меня со всех сторон. Если принять кастанедовскую концепцию смерти, как советчика, то вокруг меня был целый совещательный зал. Смерть

была впереди: я ехал по встречной полосе на скорости более двухсот километров в час, не имея возможности свернуть, развернуться или хотя бы остановиться и не понимая, как до сих пор не столкнулся с одним из автомобилей, каждое мгновение мчащихся навстречу. Смерть преследовала сзади: черные блестящие параллелепипеды на колесах, набитые убийцами, преследовали мой кабриолет с открытым верхом. Ну хотя бы я был пристегнут...

Иногда Хаммеры бились лоб в лоб о встречные авто, забирая случайные жизни. Большинству же из них удавалось уворачиваться от смерти и продолжать успешное преследование. Я знал, что ловушка, в которую меня заманивали, уже захлопнулась, взорвав горсть пыли, ибо была стара. Нет сомнения, что навстречу едет, спокойно двигаясь согласно потоку, еще один отряд Организации. Вертолет, вывалив огромную кишку пулемета, тоже в пути. Уверен.

Не каждый поверит, но я наслаждался. Ощущение момента на запредельном уровне. Туго спрессованное настоящее. Очищенный от примесей текущий момент. Ничто так не обостряет чувство жизни, как воззрившийся на нас, полный решимости лик смерти. Ветер, не встречая препятствий, бил пощечины. Его вопли аккомпанировали происходящему. Каждая секунда может ознаменовать мою гибель. Я не шел по лезвию, я выписывал на нем пируэты. Пули роем летели вслед, в соседние машины, обгоняли, устремляясь вперед.

Мой прекрасный кабриолет разорвало. Куски его сжались в пластины. Это все монстр на шестнадцати колесах, ползущий по дороге. Он занимал две полосы из четырех. Создавал пробку и, казалось, его это совсем не интересует. Гигантская зеленая околешая гусеница. Сооружение, что возит на своем хребту ядерные ракеты Хартленда последнего поколения. Название марки этой машины походило на имя Люцифера из «Мастер и Маргарита».

Такая техника создавалась в республике, которая совсем недавно, по историческим меркам, снова стала частью Хартленда. Президент этой республики не менялся уже давно. Очень. Уверен, перед смертью его голову отделят от тела, как профессору Доуэлю^{7*}, скачают его сознание на некий носитель или каким-то иным способом продлят его правление на века. Понимаю, шутки на этот счет давно приелись.

«Морда» многотонного транспорта, под которым погиб кабриолет, была агрессивной, будто она осознавала свою мощь, свою важность. Суровое лицо предводителя племени папуасов: на решетке его радиатора, напоминающей нос, громыхали канистры, огнетушители, что-то еще. Гигантский фаллос с ураново-плутониевым семенем внутри отсутствовал, иначе вид этой машины был бы еще более свирепым.

И вот этот мутант на шестнадцати огромных колесах превращает Мазерати в лохмотья. Хаммеры затормозили. Замерли на дороге по диагонали. Ехавшие в город машины бились о них. Впереди тягача образовалась пробка, но его это не остановило. Будто и не заметив кабриолета, пережевывая его огромными колесами, многотонное чудовище начало движение вперед, умертвляя новые автомобили. Оно увеличивало скорость, которая на этой модели развивалась до семидесяти километров в час.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.